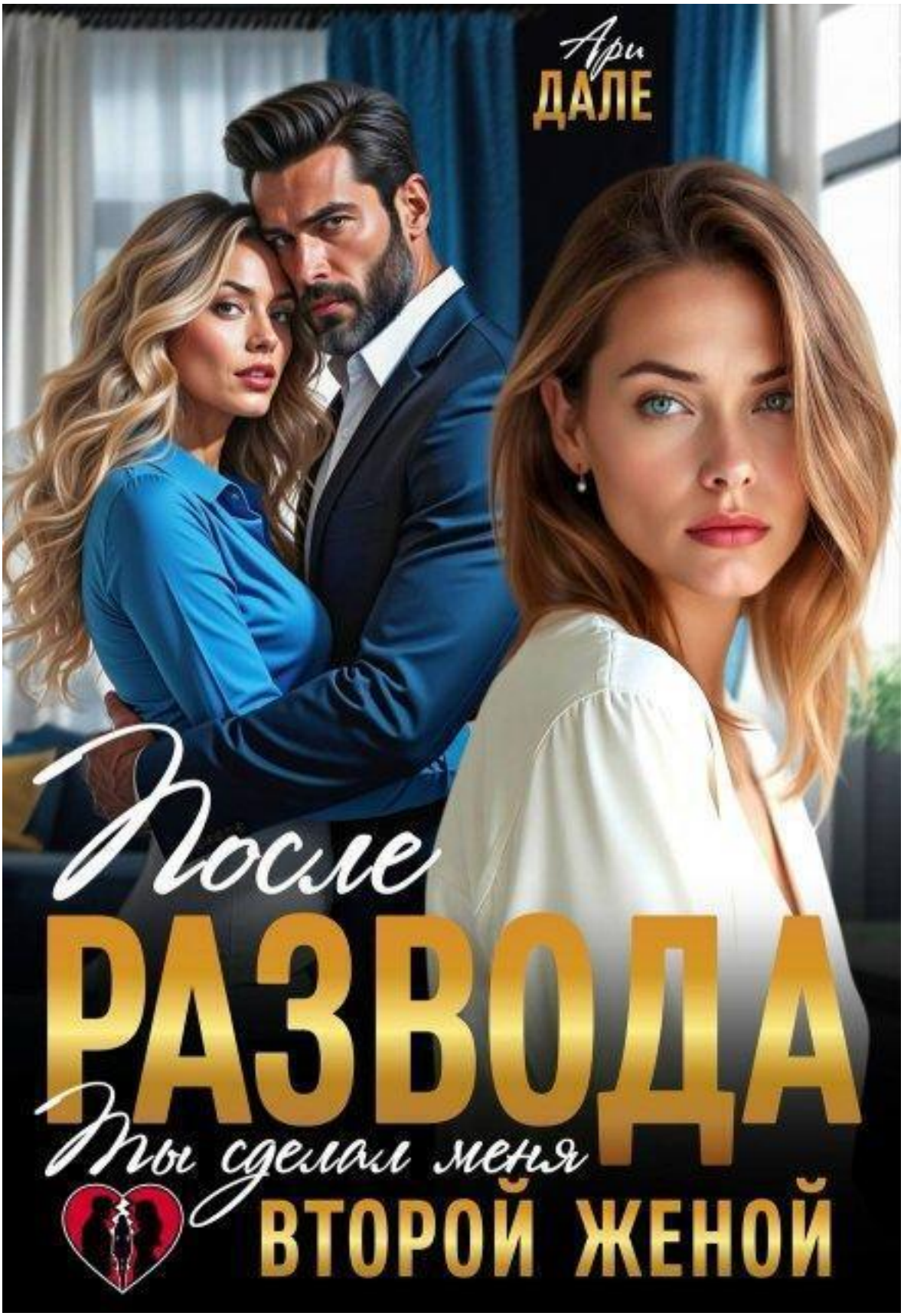

Ари
ДАЛЕ
После
РАЗВОДА
Ты сделал меня
ВТОРОЙ ЖЕНОЙ

Ари Дале

После развода. Ты сделал меня второй женой

«Литнет»
2025

Дале А.

После развода. Ты сделал меня второй женой / А. Дале — «Литнет», 2025

— Я собираюсь взять вторую жену, — хрипло шепчет мне на ухо Рустем на шестнадцатой годовщине нашего брака. — Красивая, правда? — указывает подбородком на девушку, которую держит за руку моя свекровь.— Но почему? — дрожь пробивает тело. — Зачем тебе вторая жена? И как же твое обещание, что я буду единственной?— А почему бы нет? Это мое право. Нашим мужчинам положено иметь несколько жен. Одна женщина не может обуздать наш темперамент, — самодовольно хмыкает. — Но ты не переживай, вы с Алсу подружитесь. Она тоже наполовину русская, — усмехается своему выбору. — Я был твоим шестнадцать лет, Окси, пора мною поделиться.Делиться я не собиралась, поэтому ушла. Развелась. А через пару недель узнала, что Рустем все-таки женился на своей любовнице. Вот только и нескольких месяцев не прошло, как бывший муж появился на моем пороге с заявлением:— Что ж, поздравляю, ты все-таки стала второй женой! Наш развод недействителен!***Книга выходит в рамках литмоба "Вторая жена":!#Внимание: Ругать героев можно. Автора нельзя)))НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И ПОСТАВИТЬ "МНЕ НРАВИТСЯ"❤#Проды: 1 неделя ежедневно, далее через день

© Дале А., 2025
© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Визуализация 10
Глава 3 15
Глава 4 17
Глава 5 19
Глава 6 21
Глава 7 23
Глава 8 25
Глава 9 27
Глава 10 28
Глава 11 30
Глава 12 32
Глава 13 34
Глава 14 37
Глава 15 39
Глава 16 41
Глава 17 42
Глава 18 43
Глава 19 45
Глава 20 49
Глава 21 50
Глава 22 52
Глава 23 54
Глава 24 57
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Глава 1

— Ты хотя бы сделай вид, что тебе понравился подарок, — муж, притянув меня к себе за талию, зло рычит прямо мне на ухо.

Сегодня наша шестнадцатая годовщина свадьбы, у нас дома собрались все близкие и родные люди, я впервые за много месяцев надела красивое облегающее платье в пол — вроде бы закрытое, но не оставляющее места для воображения, накрасилась, сделала высокую прическу, подняв свои светлые волосы вверх, и должна бы радоваться, но… Смотрю на серебряное ожерелье с сапфирами, которое преподнес мне в подарок на нашу годовщину Рустем, и даже не могу выдавить из себя улыбку.

Внутри все словно сковало от боли и нехорошего предчувствия. Дыхание спирает в груди, легкие горят, горло сжимается.

Сердце… кажется, оно только что разбилось на осколки.

Я думала, мне показалось, но… нет… ничего не показалось. Попытка убедить себя в том, что я слишком мнительная… слишком переживательная, окончилась провалом, судя по тому, что я смотрю на ожерелье, а не на кольцо с большим бриллиантом, которое нашла пару дней назад в кабинете у мужа… и которое сейчас красуется на пальце другой девушки.

Той, которая весь вечер смотрела на меня, как на врага народа, и постоянно пыталась поговорить, но каждый раз ее кто-то останавливал.

Зажмуриваюсь.

Даю себе всего секунду на то, чтобы испытать всю гамму разрывающих меня изнутри чувств, едва не складываюсь пополам, но быстро беру себя в руки и распахиваю веки.

Поднимаю голову. Вперяю вопросительный взгляд в мужа.

Рустем… он необычный мужчина. Раньше у меня перехватывало дыхание, стоило взглянуть на него. В сочетании с темными волосами, аккуратной бородкой и… карими, почти черными глазами, этот мужчина захватывает дух. Даже возраст ему не помеха… в сорок семь лет мужчина, тем более восточных кровей, становится только… сочнее. Ну по крайней мере, так говорит моя подруга.

Я же давно привыкла к своему мужу… очень давно. Да, я им горжусь и восхищаюсь. У нас растет замечательная дочь, но… отношения немного поутихли. Это нормально после стольких лет брака. Тем более, нам обоим всегда было, чем заняться.

Пока Рустем строил свою нефтегазовую империю, я тоже не сидела на месте.

Когда мы встретились, я работала журналисткой в одном известном московском издании, а после нашей свадьбы еще и получила второе высшее образование. Какое-то время работала по второй своей профессии — занималась психологическим консультированием. А в итоге, совместила обе свои страсти — теперь я одновременно и журналист, и психолог.

Конечно, я всегда знала, что мало напоминаю прилежную татарскую невестку. Но всегда думала, что Рустем меня выбрал именно потому что я другая. Он давно живет в Москве, и хоть входит в диаспору, но никогда полностью не признавал их правила и устои… похоже, до сегодняшнего дня.

Если, конечно, я все правильно поняла.

— Мне нравится ожерелье, но…

— Твою мать, — жестко выдыхает Рустем, перебивая меня. — Какие еще «но»? Если нравится, тогда просто улыбнись! Если не нравится… тоже улыбнись и прими подарок! Тут вся моя семья, веди себя, как подобает достойной мне жене! — буквально вдавливает меня в свое тело, до боли впивается пальцами в мою спину. — Не позорь меня еще больше, — рычит мне на ухо, а потом резко отстраняется.

Чуть ли не выхватывает бархатный чехол из моих пальцев, выдергивает оттуда ожерелье. Не проходит много времени, прежде чем он оказывается за моей спиной, а мне на шею накидывает холодную серебряную нить с тяжелыми камнями.

Внутри меня разворачивает настоящая буря. Никогда… еще никогда Рустем со мной так не разговаривал. Он всегда прислушивался к моему мнению, проявлял прилюдное уважение к жене, особенно, в окружении других людей. Мужу всегда было важно, что о нем подумают. Даже несмотря на то, что традиции диаспоры, в которой он вырос, отошли на второй план в нашей семье.

Я же в свою очередь всегда делала, что хотела, за что меня не очень сильно любили родители мужа, но терпели, потому что Рустем много лет назад объявил им, что он сделал свой выбор и родителям придется смириться, либо…

По сути, муж ради меня бросил вызов своему миру. И «миру», чтобы не потерять Рустема, пришлось с ним смириться, скрепя зубами, конечно.

Сейчас же… все эти люди, находятся здесь… в нашей с мужем гостиной, стоят посреди светлой с большим количеством окон комнаты, по периметру которой расставлены фуршетные столы и только и ждут, когда я развалюсь на части.

Почему-то кажется, что все они в курсе, что я сейчас умираю изнутри… что Рустем предал меня. И особенно, этому радуется моя свекровь, которая в белом элегантном смокинге с темными волосами, затянутыми в тугую гульку, с безупречным макияжем стоит посреди семейного сборища в первом ряду и широко улыбается. В одной руке она держит бокал с шампанским, а во второй… ох… второй рукой она вцепилась в рядом стоящую молодую, светловолосую кучерявую девушку в темно-синем платье. Ту самую девушку, которая не смогла поговорить со мной сегодня, хотя явно горела желанием.

Но даже не это привлекает мое внимание… а кольцо на ее пальце. То самое кольцо, которое я думала, Рустем приготовил мне в подарок на годовщину. Бриллиант блестит, приковывает к себе мой взор, словно издевается надо мной. Кажется, луч света отражающийся от него, попадает прямо в меня и прожигает очередную дыру в груди… рядом с той, которую оставило предположение о том, что собирается совершить мой собственный муж.

Миг, и застежка оказывается застегнута. Ожерелье тяжелой ношей повисает на моей шее. Оно ощущается словно удавка, из-за которой становится с каждой секундой все сложнее дышать.

— Да, я собираюсь взять вторую жену, — хрипло шепчет мне на ухо Рустем. — И да, это она. — добивает меня. — Красивая, правда? Я знал, что ты оценишь, — он еще мгновение стоит у меня за спиной, обжигая горячим дыханием мое ухо, а в следующее — оказывается передо мной. — А теперь улыбнись, у нас же сегодня праздник, — он приближается ко мне почти вплотную, чувствую его горячее дыхание на своих губах. — И Оксана, надеюсь, ты не станешь одной из строптивых русских жен, которые устраивают скандалы своим мужьям, потому что они пользуются своим законным правом на вторую жену, — Рустем резко притягивает меня к себе и… целует… у всех на глазах.

Глава 2

Муж целует меня при всех.

Целует после того, как признался в предательстве.

Целует, оставляя очередную рану на моем сердце.

Благо, это не глубокий поцелуй, а просто прикосновение губ. Поэтому это издевательство длится недолго, хотя кажется, что проходит вечность, прежде чем Рустем отстраняется.

В глазах мужа светится нескрываемое превосходство. Рустем думает, что сломал меня? Прогнул? Или это мое больное воображение подбрасывает мне удобные варианты, хоть как-то объясняя, что сейчас происходит. С тем, что мой любимый муж — отпетый мудак, было бы проще жить. Но я-то знаю, что Рустем не такой. За настолько жестокого мужчину я бы никогда не вышла замуж. Я знаю Рустема чутким и умеющим брать на себя ответственность человеком. А люди так кардинально не меняются.

«Ну да, не меняются. А разве этот самый Рустем не обещал тебе, что ты всегда будешь единственной во всех планах?» — вставляет свое «я» внутренний голос.

Сердце его прекрасно слышит, отчего режет так, будто собирается самостоятельно превратиться в мелкие кусочки.

Грудь саднит. Сильно.

Хочется поднять руку и потереть больное место… то самое, за которым находится жизненно важный орган. Но… я даже толком пошевелиться не могу.

Складывается впечатление, будто Рустем приковал меня к месту, одним лишь своим гипнотическим, вызывающим тьму вокруг, взглядом.

Дыхание отходит на задний план, как и весь остальной мир. Наверное, поэтому я и слышу голоса наших гостей, словно издалека.

— Поздравляю с годовщиной…

— Рады за вас…

— Вы прекрасная пара…

— Какое замечательное ожерелье…

Не понимаю, кто нас поздравляет.

Не понимаю, что вообще происходит.

Не понимаю, чем заслужила такое унижение.

Мало того, что муж выбрал очень «удачный» день, чтобы сообщить мне о своем… решении, так еще и поцеловал меня при всех.

Это ужасно…

Меня начинает прилично так мутить. Тошнота мгновенно подкатывает к горлу, возвращая меня в реальность.

— Прошу прощения, — бормочу сама не знаю кому и срываюсь с места.

Ныряю в толпу… приглашенных на нашу годовщину людей. Их оказывается так много, что я едва протискиваюсь в коридор. Но все-таки справляюсь с задачей и мчусь дальше.

Не замечаю, как преодолеваю расстояние до гостевой ванны. Щелкаю выключателем. Влетаю в просторную, отделанную черно-белой плиткой комнату с душевой кабиной, захлопываю за собой дверь.

Падаю на колени перед унитазом, и… меня тут же выворачивает. А потом еще раз. И еще.

Черт! Вот к чему приводят нервы и голод — я с самого утра ничего не ела, слишком много было дел, связанных с подготовкой нашего с Рустема праздника. Не успеваю толком прийти в себя, как меня выворачивает еще раз, и лишь после этого, по телу ползет желанное, холодное облегчение.

Опускаюсь на кафель, прислоняюсь плечом к стене между раковиной и унитазом, прикрываю веки.

Перед глазами тут же встает образ мужа.

Темные волосы, густая щетина, которая уже переходит в бороду, темные… почти черные глаза. Именно они когда-то меня и привлекли.

Да так привлекли, что почти загипнотизировали.

Ведь встретились мы с Рустемом, когда я пришла брать у него интервью. Помню, как вечером мы сидели у него в кабинете с панорамными окнами, которые открывали потрясающий вид на горящую разными огнями Москву. А профессиональные вопросы, которые я задавала будущему мужу, постепенно скатывались в личные…

— Говоря о традициях и прогрессе, — продолжаю я, переходя к более личной, а значит, и более опасной территории. — Вы — человек, выросший в среде с очень сильными семейными и культурными устоями. Но при этом строите глобальный бизнес в Москве, которая живет по другим правилам. Не возникает ли у вас внутреннего конфликта? Где проходит ваша личная граница между «можно» в большом городе и «нельзя», продиктованным традицией? Например, в вопросах… личной жизни? — чуть задерживаю взгляд на левой руке Рустема, как он сам попросил меня называть, и не вижу обручального кольца.

Понимаю, что мой вопрос двусмысленный, провокационный и втайне радуюсь. Такой ход интервью должен понравиться редакторам.

Рустем откидывается в кресле. Его губы трогает едва заметная улыбка, но глаза остаются непроницаемыми.

— Конфликт? Скорее, постоянный диалог, Оксана, — он произносит мое имя, и оно звучит… интимно в этом строгом кабинете. — Традиции — это фундамент, корни. Они дают силу и понимание, кто ты есть. Но дерево не может расти только корнями, ему нужны ветви, чтобы тянуться к солнцу. Я ценю устои своей семьи, но при этом живу здесь и сейчас. Мои «можно» и «нельзя» определяются не только местом на карте, но и личной ответственностью, уважением к себе и другим. Что касается личной жизни… — он делает паузу, и мне кажется, его взгляд становится чуть пристальнее. — Это территория, где традиция и личный выбор должны находить гармонию. А гармония рождается из честности. Прежде всего — перед самим собой.

Помню, как тогда, на интервью, задала последний, самый острый вопрос, интуитивно чувствуя слабое место Рустема — его диаспору, его принадлежность к другому миру, который мог его и сдерживать, и поддерживать:

— Вы часто упоминаете ответственность перед семьей, родом. А как насчет ответственности перед теми, кто… не вписывается в ожидания этого рода? — спрашиваю прямо, глядя ему в глаза, стараясь уловить малейшую реакцию. — Допустим, человек из вашего круга решил связать жизнь с кем-то, кто не соответствует представлениям старших о «правильной» партии. Готовы ли вы, как человек, разорвавший географическую связь с «миром» предков, поддержать такой выбор? Или давление «традиции», ответственности перед семьей окажется сильнее личного счастья? Не боитесь ли вы осуждения?

— Осуждения? — тихо произносит Рустем, но в его голосе впервые звучат стальные нотки. — Я научился отличать осуждение от заботы, Оксана. А заботу от попыток управлять моей жизнью. Мой выбор — это мой путь и моя ответственность. Перед семьей, перед родом, конечно, я несу ответственность. Но для меня первостепенна ответственность перед собой и перед тем человеком, которого я… выберу, — он делает едва заметный акцент на слове «выберу». — Если этот выбор искренен и продуман, то никакая «традиция», диктую-

щая кому и как жить, не станет ему помехой. Сила — не в слепом подчинении, а в умении отстоять то, во что веришь, даже если это идет вразрез с ожиданиями. Даже если для этого придется… — он замолкает, словно подбирая слово, — …пересмотреть границы дозволенного. Или нарисовать свои собственные.

Тогда… почти двадцать лет назад слова Рустема показались мне манифестом свободной воли. Гимном силе личности перед лицом устоев. В них была такая убежденность, такая внутренняя мощь, что я поверила. Поверила, что этот человек никогда не предаст свои принципы, не сломается под давлением. Поверила ему, когда он выбрал меня.

«Как же Рустем ловко играл словами», — думаю сейчас, сжимая кулаки.

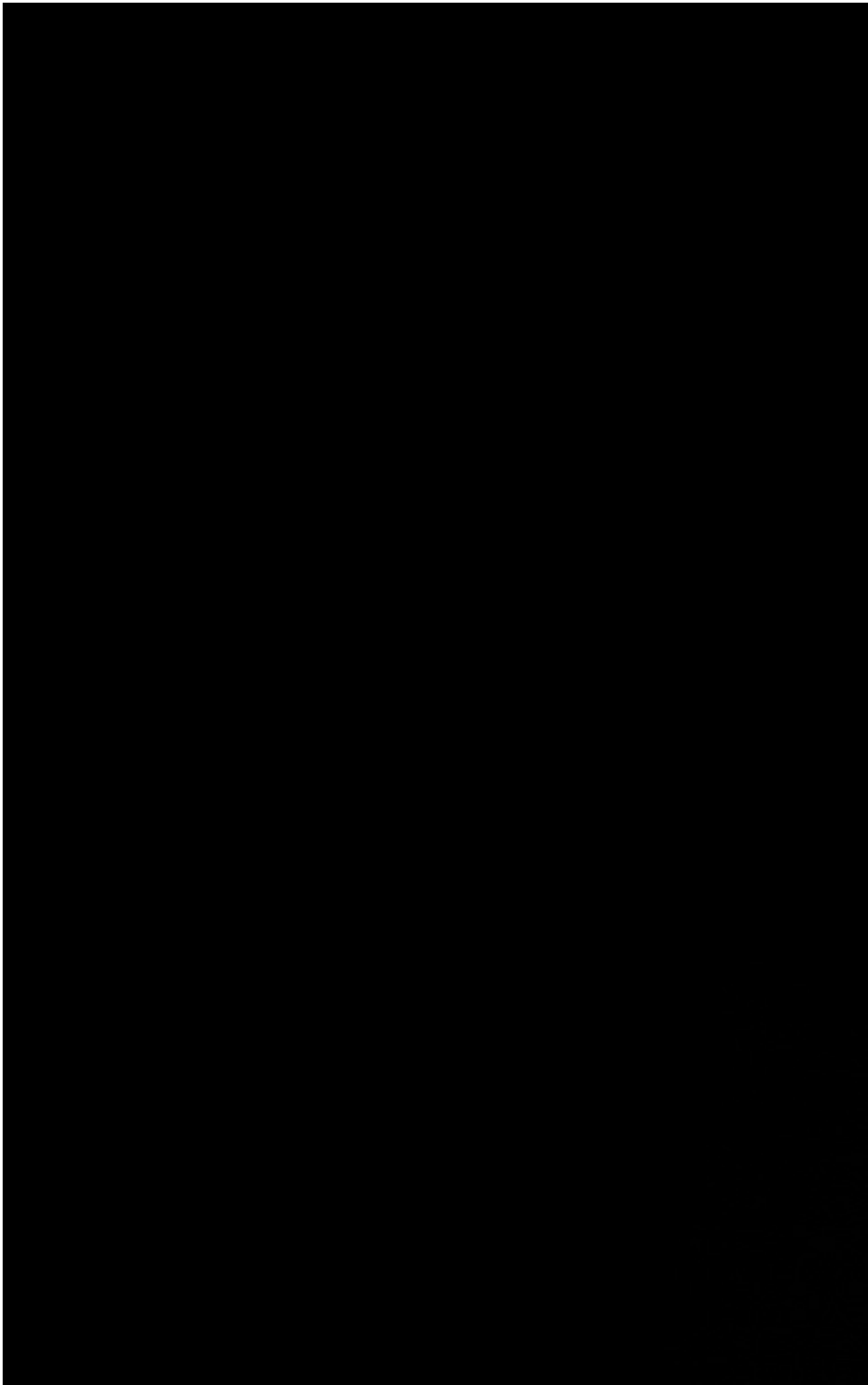
«Пересмотреть границы»… «Нарисовать свои»…

Видимо, он пересмотрел их и сейчас, раз нарисовал прямо на моем разбитом сердце — вторую жену.

— Ты беременна? — голос Рустема врывается в мой разум, наполненный размышлениями, воспоминаниями. Моргаю, и вижу мужа, плечом прислонившегося к дверному косяку и сложившего руки на груди. — Если так, это в любом случае ничего не меняет. Совсем скоро мы с Алсу пройдем через никах. И очень надеюсь, ты не будешь сопротивляться и дашь свое разрешение на него.

Визуализация

Хакимов Рустем Ильдарович, 47 лет

Рустем — нефтяной магнат, основатель и владелец холдинга «Хаким-Ойл».

Родился в Казани в строгой, патриархальной татарской семье с глубокими корнями и традициями. Отец — уважаемый инженер на нефтеперерабатывающем заводе, мать — домохозяйка, хранительница очага и семейных устоев. С детства Рустем впитывал два мира: дома — почтение к старшим, четкие правила, религиозные обряды, ожидание, что он продолжит династию (но уже на более высоком уровне); на улице и в школе — обычную советскую, а затем российскую действительность. Он рос умным, амбициозным, с холодным, расчетливым умом и железной волей мальчиком. С ранних лет понял: чтобы добиться большего, чем отец, нужно вырваться из узких рамок диаспоры. Мечтал о большом бизнесе, о Москве, о власти, которую дают деньги и ресурсы. Поступил в московский вуз на экономиста, вопреки ожиданиям семьи увидеть его инженером-нефтяником.

Учеба в Москве стала его билетом в новую жизнь. Он жадно впитывал знания, заводил связи, видел безграничные возможности. Но разрыв с «миром» предков давался тяжело. Родители не понимали его стремлений, давление «традиций» — жениться на «своей», жить ближе к семье — было постоянным. Рустем научился искусно лавировать: демонстрировать уважение к корням на семейных собраниях диаспоры, но в деловой среде Москвы быть современным, жестким, прагматичным топ-менеджером. Его карьера в нефтяной отрасли была стремительной: от аналитика до руководителя департамента в крупной компании. В 27 года, используя сбережения, кредиты и поддержку некоторых влиятельных лиц из диаспоры, чьи интересы потом пришлось учитывать, он основал собственную компанию.

Построение империи «Хаким-Ойл» стало делом его жизни. В делах он применял смесь восточной хитрости, западного менеджмента и беспощадной решительности. Компания росла, в том числе за счет агрессивных поглощений. Рустем мастерски играл на грани, умело прикрываясь лояльностью к традициям перед старейшинами и демонстрируя абсолютно современный подход перед инвесторами. Он стал влиятельным, богатым, уважаемым. Но внутри жил вечный конфликт: давление диаспоры, ожидающей, что он, наконец, остепенится «по-настоящему» (женится на татарке, заведет много детей, будет соблюдать все обычаи), и его собственное стремление быть хозяином своей судьбы. Он оттягивал решение, погружаясь в работу. Личная жизнь была эпизодической, без обязательств.

Пока одна журналистка не начала задавать провокационные вопросы на интервью.

Хакимова (Соколова) Оксана Дмитриевна, 41 год

Оксана — журналистка и психолог.

Родилась в Твери. Отец Оксаны — хирург, мать — педиатр. Жили небогато, но очень интеллигентно. Оксана с детства была живой, любознательной, с острым язычком и неукротимым чувством справедливости. Часто вступала в споры с учителями, защищая «обиженных». Мечтала стать журналисткой: «как те смелые женщины с телеэкрана, которые задают неудобные вопросы и добиваются правды». Родители мечтали о продолжении медицинской династии, поэтому ее выбор факультета журналистики вызвал семейную бурю. Но Оксана была непреклонна. С тех пор отношения с семьей стали прохладными, формальными. Девушка решила: раз уж пошла против воли родителей, то выберет самую «острую» специализацию — политическую журналистику с уклоном в расследования.

Это стало ее страстью и призванием, но и медицина ее тоже не оставила, что она поймет гораздо позже.

Переезд в Москву стал для Оксаны судьбоносным. Ведь одним из первых ее заданий стало — взять интервью у харизматичного и закрытого владельца нефтяного холдинга — Рустема Хакимова, в которого она влюбилась с первого взгляда и который, как она думала, любит ее!

Глава 3

Какая-то искра вспыхивает у меня внутри. То ли это надежда, то ли… желание испортить жизнь Рустему хотя бы немного.

После «подарка», который он преподнес мне на нашу годовщину, муж заслуживает любых страданий, которые я ему преподнесу.

Медленно, придерживаясь за стену, поднимаюсь на ноги. Внимательного, надеюсь, пустого взгляда от Рустема не отрываю.

Напряжение в уборной достигает такого высокого уровня, что кажется будто электричество потрескивает в воздухе. Оно оседает на моей коже, покусывает ее. Из-за него волоски на руках встают дыбом.

Но вместо чтобы показать Рустему свой дискомфорт, мгновение держу наш зрительный контакт, а потом поворачиваюсь к раковине.

Включаю воду. Набираю ее в стаканчик и ополаскиваю рот. Лучше бы, конечно, подняться наверх и почистить зубы, но боюсь лестницу сейчас не осилю. Мышцы слишком сильно ослабели. Ноги едва держат меня.

Может, я заболела? Хм… вполне возможно, утром я тоже чувствовала себя неважно, весь этот день держалась на морально волевых, а «подарок» Рустема меня просто добил. И я не про ожерелье, которое висит на моей шее и душит меня.

Еще мгновение держу руки под водой, стараясь охладить не только разгоряченное тело, но и полыхающий разум.

Нужно взять себя в руки и срочно. Стать той самой Оксаной, которая может дать отпор любому придурку. Даже собственному мужу.

Вдох. Выдох. И я выключаю воду.

Резко разворачиваюсь на каблуках, отчего перед глазами темнеет. Но единственное, что я делаю, чтобы не упасть прямо на пол, — это прислоняюсь бедрами к столешнице, оказавшейся за моей спиной. Большей слабости себе не позволяю.

Я и так слишком многое показала своему мужу, пока пыталась справиться с первичным шоком. Сейчас же пора стать… жесткой.

— А что ты будешь делать, если я не дам разрешение? — выгибаю бровь, бросая Рустему вызов.

Лишь спустя мгновение вспоминаю, что именно из-за этого он и женился на мне. Я никогда не держала свое мнение при себе, не была послушной женой, не позволяла собой помыкать. И сейчас Рустема, скорее всего, заводит тот факт, что я снова показываю ему свое истинное лицо. Или же что-то поменялось?

— Это просто формальность, — хмыкает муж. — Я просто хотел проявить к тебе уважение, поэтому решил спросить разрешения. Но… — он на секунду прерывается. Тянет время, желая, чтобы я в полной мере ощутила боль и отчаяние, которые и так съедают меня изнутри? Скорее всего. Иначе не могу объяснить поведение мужа.

— Но? — не выдерживаю, подталкиваю его выложить уже все начистоту.

Едва заметная улыбка трогает губы Рустема.

— Я в любом случае сделаю то, что задумал, — чеканит муж, вбивая гвозди в крышку гроба нашего брака. — Ты же меня знаешь, я всегда поступаю так, как задумал. Ну и держу обещания… а я обещал Алсу, что она станет моей женой.

Горячая стрела ярости пронзает тело, снова воспламеняя его.

— Ты? Держишь обещания? Серьезно?! — сарказм так и льется из меня. — А как же твое обещание мне, что я буду единственной?

— Ты и останешься… единственной женщиной, которую я когда-либо любил, — наносит мне сокрушительный удар муж. — Но я никогда не обещал тебе, что ты будешь единственной женой!

Глава 4

Мне резко перестает хватать воздуха. Вот как он все перевернул. Прикопался к формулировкам. Ну конечно, Рустем Хакимов выкрутится из любой… даже самой хитро сплетенной ловушки, даже если он сплел ее сам.

Боль такой силы пронзает тело, что я хватаюсь за столешницу, лишь бы устоять на ногах. Перед глазами начинает плыть.

Боже, пусть это будут не слезы… Пожалуйста, лишь бы не они.

Я не могу сейчас расплакаться, как какая-нибудь девчонка, не умеющая контролировать свои эмоции.

Часто-часто моргаю, а потом с силой зажмуриваюсь, прежде чем через мгновение распахнуть веки.

Взгляд сразу сосредотачивается на Рустеме. Он как стоял в проеме, так и стоит. Дверь открыта. Похоже, мужа совсем не волнует, что кто-то может подслушать наш разговор. Видимо, он действительно все для себя решил… а меня только в известность ставит.

— Но почему? — все-таки вырывается из меня главный вопрос, который не дает мне покоя. Самообладание исчезает напрочь! Дрожь пробивает тело. Приходится прикусить щеку, чтобы зубы не начали стучать. Почему, черт побери, так холодно? — Зачем тебе вторая жена? Тебе что ли меня мало?

Рустем молчит. Долго. Очень долго.

И неважно, что прошло всего пару секунд, прежде чем он тяжело вздыхает и немного устало отвечает:

— А почему бы нет? Это мое право. Я был твоим шестнадцать лет. Теперь пора мною поделиться.

— Поделиться? — выдыхаю, не в силах поверить в сказанное мужем.

— Да, поделиться, — подтверждает собственные слова Рустем. Наконец, отталкивается от косяка. Но вместо того, чтобы покинуть уборную, направляется ко мне.

Дыхание сбивается. И без того бешеное сердцебиение учащается. Взгляд мечется, ища выход из ловушки, в которую загоняет меня муж. Но я ничего не успеваю придумать, и даже в сторону отпрыгнуть не получается до того, как Рустем останавливается напротив меня и заключает меня в кольцо своих рук, упираясь ладонями в столешницу рядом с моими пальцами, буквально вцепившимися в единственную опору.

— Окси… — выдыхает он мне прямо в губы. — Я люблю тебя и всегда любил. Но это не значит, что я откажусь от своих корней… от своего прошлого. Нашим мужчинам положено иметь больше одной жены, причем не просто так. Одна женщина не может обуздать наш темперамент. И я сейчас не только про постель говорю. Татарские мужчины щедрые… им нравится делиться… своими ресурсами в том числе. Мы можем обеспечить хорошую жизнь нескольким женщинам, так почему бы нам этого не сделать? — его дыхание обжигает мои губы, а слова ощущаются словно яд, который отравляет мое тело. — Не говоря уже о том, что ты так и не смогла подарить мне наследника…

— Так все из-за этого?! — резко подхватываюсь я. — У нас же есть дочь...

— Ты должна понимать, что это другое, — прерывает меня Рустем. — Мы с тобой не молодеем. И пытаемся сделать мальчика уже давно, но все напрасно. Никакие врачи не помогают… — обреченно вздыхает. — Зато Алсу здоровая и молодая…

У меня закрадывается одно подозрение. Но я боюсь об этом думать, не говоря уже о том, чтобы озвучить.

Поэтому просто глотаю слова, которые оседают горечью на языке.

Но Рустем, похоже, не замечает состояния, в котором я нахожусь. Иначе бы не продолжил свои уговоры.

— Тебе понравится Алсу, — как-то нежно улыбается он. — Уверен, вы даже подружитесь. Она такая же как ты… необузданная. Наверное, потому что наполовину русская, — усмехается своему выбору. — Ты же знаешь, меня не привлекают забитые мышки. Поэтому уверен, вам будет весело. Вдобавок, она будет помогать тебе по дому, воспитывать нашу дочь. Ты сможешь больше времени уделять своей работе…

— Я не подпишу твою любовницу к своей дочери! — кричу во все горло, толкая Рустема в грудь.

Глава 5

Муж пошатывается, но с места не сдвигается. Зато его взгляд становится жестче.

— Окси, — цедит он, — держи себя в руках! — предупреждение звенит в его голосе.

— А ты не неси чушь! — повышаю голос я. — Большего бреда, который ты мне сейчас выдал, я еще в жизни не слышала. Твоя любовница не будет воспитывать мою дочь! А если я не справляюсь с твоим темпераментом, хорошо, выбери ту, что справится с ним…

— Уже выбрал, — перебивает меня муж, выдыхая свою грязь прямо мне в губы.

— … а меня оставь в покое, — все равно заканчиваю я, чувствуя напряжение в каждой клеточке моего тела. — Если я тебе не нужна, то просто оставь меня в покое! — повторяю еще настойчивее.

— И что значит, «не будет воспитывать мою дочь»? — муж полностью игнорирует мою просьбу, в его глазах светится настолько сильное упрямство, что с ним может сравниться только самый настоящий баран. — Амина вообще-то наша дочь. На-ша! Поэтому не просто будет общаться с моей второй женой, но и будет относиться к ней как ко второй матери! — выносит свой вердикт Рустем.

Я даже роняю челюсть чуть ли на пол. Но уже через мгновение захлопываю ее с громким стуком.

— Ты хочешь, чтобы мы расстались врагами? — зло цежу. Рустем я тебя предупреждаю, если ты попробуешь использовать нашу дочь в своих играх…

— То что? — уголок губ мужа ползет вверх.

— То я сделаю все, чтобы тебя уничтожить! — отчетливая угроза слышится в моем голосе.

Вот только она явно не трогает Рустема, поэтому он лишь усмехается… снисходительно усмехается. Я даже опомниться не успеваю, как он поднимает руку и нежно почти невесомо касается кончиком большого пальца моей скулы.

Меня передергивает от этого прикосновения, кожа покрывается мурашками. Не говоря уже о том, что и без того бегущее куда-то сердце разгоняется до предела. Хочется сбежать, убраться подальше от зверя в облике человека. Жаль, что даже пошевелиться не могу. Не только потому что муж заковал меня в кольцо своих рук, но и из-за контраста патовой ситуации и нежности прикосновения.

Вот только уже через мгновение меня словно в холодную воду окунают.

— Кишка у тебя тонка, дорогая, — удивительно мягко парирует Рустем, но в его голосе отчетливо слышатся стальные нотки. — Ты знала, за кого выходила замуж. Я тебе не по зубам.

Смотрю в черные омуты мужа и не могу поверить, что вижу перед собой своего Рустема. Того самого мужчину, который когда-то клялся мне в верности… который обещал оберегать мой покой… который раз за разом повторял, что ему кроме меня больше никто не нужен.

— Кем ты стал? — хриплый, едва слышный вопрос вырывается из меня.

— Я все тот же, — как ни в чем не бывало заявляет муж. — Просто я, наконец, хочу себя освободить… хочу начать жить так, как мне нравится, а не так, как мне навязали. Я хочу взять от этой жизни все. Как ты этого не понимаешь?

— Понимаю, — вырывается из меня.

«Понимаю, что ты меня больше не любишь. Или вообще, никогда не любил», — проносится в голове болезненная мысль, но вслух ее я не произношу. Все равно уже ничего не исправишь. Знаю же, что если Рустем вбил себе что-то в голову, то его даже скачущий на него конь не остановит.

Остатки сил покидают меня. Я больше не могу стоять… но приходится. Не знаю, сколько я еще продержусь. Правда, не знаю.

— Если все так, тогда просто отпусти меня, — прошу… почти умоляю.

Рустем несколько секунд смотрит на меня, а потом в его глазах вспыхивает опасный огонек. Миг, и муж приближается ко мне вплотную. Он и так стоял близко… слишком близко, а сейчас прижимается ко мне всем телом. Да так, что я чувствую все его изгибы.

Аромат дорогого парфюма мужа с нотками мускуса и табака бьет в нос, его горячее дыхание обжигает нежную кожу моего лица.

Тошнота снова подкатывает к горлу. Мне становится настолько плохо, что даже голова идет кругом, а на лбу выступает холодный пот.

Но видимо, Рустему совсем плевать на меня, раз он не видит, в каком я состоянии нахожусь, поэтому и решает меня добить:

— А если я не хочу? — шепчет он мне прямо в губы. — Что если я хочу вас обеих?

Глава 6

Тошнота в моменте усиливается. Хватаю ртом воздух, чтобы попытаться вернуть себя в нормальное состояние, но у меня ничего толком не получается. Я уже едва держусь на ногах, когда хриплю:

— Отойди.

— Окси… — рычит муж.

— Отойди! — срываюсь на крик. И Рустем, явно не ожидавший от меня ничего подобного, отступает на шаг.

Протискиваюсь между ним и столешницей и падаю на колени перед унитазом. Меня моментально выворачивает.

На этот раз облегчение приходит сразу… делаю глубокий вдох и опускаюсь на прежнее место — на кафель между раковиной и унитазом. Прислоняюсь спиной к стене и прикрываю глаза. Стараюсь глубоко дышать, опасаясь очередного спазма, свернувшего желудок.

Нет, мне срочно нужно поесть. И желательно перестать так сильно нервничать. Но мой дорогой муженек доведет любого до ручки и не поперхнется.

— Перехочешь, — выдыхаю я, когда чувствую себя более или менее в порядке.

— Что? — доносится до меня далекий, напряженный вопрос мужа.

Не хочу открывать глаза.

Не хочу смотреть на Рустема.

Знаю же, что любой наш зрительный контакт принесет мне невыносимую боль, ведь несмотря на то, что со мной сегодня сотворил мой муж, я все еще люблю его… любила.

Вот только, похоже, у меня нет выбора. Я не слышу ни тяжелых шагов, ни «поговорим позже». Рустем никуда не собирается уходить и от меня не отстанет, судя по всему.

Поэтому набираю полные легкие воздуха и поднимаюсь на ноги. На мужа стараюсь все так же не смотреть.

Снова протискиваюсь между ним и раковиной — он делает еще один шаг назад, предоставляя мне чуть больше пространства. Вот только никакой благодарности я не испытаю. Именно из-за собственного мужа я нахожусь в таком ужасном состоянии.

Поэтому… просто повторяю прежние манипуляции с водой. И, немного освежившись, ловлю взгляд Рустема в отражении.

Мое сердце, похоже, живет отдельно от меня, потому что больно колет, хотя все внутри похолодело. Замерло, я бы сказала. Чувства отошли на задний план, оставляя за собой только расчетливость. Я знаю, как повлиять на мужа. Мы почти двадцать лет провели вместе, поэтому мне известны все его слабые места.

— Я сказала: перехочешь, — повторяю четко, чтобы до козла за моей спиной дошло каждое мое слово. — Обоих нас ты не получишь! И если уж быть с тобой полностью честной, то и меня ты больше не получишь. Сегодня ты сделал все, чтобы уничтожить наш брак. Идти на уступки лжецу, который даже слова своего сдержать не может, я не собираюсь. Это ниже моего достоинства.

Глаза Рустема сужаются, превращаются в тонкие щелочки, но я все равно вижу, как в них мелькает что-то древнее, что-то опасное.

— Хочешь сказать, что собираешься нарушить наши клятвы? — тихо, угрожающе рычит муж.

Мгновенно переношусь в прошлое, вспоминая клятвы, которые мы дали друг другу сразу перед нашей свадьбой и которые въелись в мою память так, словно оказались выжжены там…

Мою…

Рустем, я клянусь тебе сегодня, перед лицом этого дня и нашей любви:
Быть твоей единственной женой в сердце и в жизни.
Делить с тобой все: радости, испытания, мечты — и никогда не делить тебя самого.
Строить наш мир вместе, где мы — целое, неразделимое, где нет места для третьих.
Я клянусь хранить верность тебе душой и телом, как ты клянешься хранить ее мне.
Я выбираю тебя, Рустем, и только тебя — навсегда.
Это мой обет, данный свободно и от всего сердца.

И Рустема…

Оксана.
Клянусь тебе силой моих предков и свободой моего выбора:
Ты — моя единственная. Ни традиция, ни род, ни время не поставят рядом другую. Твое место в моем сердце и в моем доме — единственное.
Ты — мой мир. Я разорвал цепи старого «мира» ради нашего нового. Его правила пишем мы.
Я буду твоей защитой. От осуждения, от давления, от всего, что посмеет угрожать нашему союзу. Моя сила — твоя крепость.
Я буду твоим мужем. Верным. Преданным. Только твоим. Все мои завтра — твои.
Это мой обет, данный сердцем. Навеки.

— Ты первым нарушил, — горько усмехаюсь, чувствуя, как глазам подкатывает слезы.

Нет! Только не здесь! Только не сейчас!

Я не могу расплакаться перед Рустемом, не могу показать ему, как больно он мне сделал.

Ледяная корка вокруг моего сердца покрывается трещинами и вот-вот разобьется. Делаю глубокий вдох, чтобы хоть как-то остудить жар внутри. И не дать себе расколоться окончательно.

Вот только, видимо, у Рустема другие планы. Он решает меня уничтожить окончательно, поэтому хватает меня за руку, резко разворачивает к себе, отчего у меня начинает кружиться голова, а перед глазами плывет, после чего цедит мне прямо в губы:

— Думаешь, я тебя отпущу? Ты моя, Окси. Ты сама мне отдала себя, зная, кем я являюсь. А сейчас, когда увидела меня настоящего… без всяких мирских предрассудков, идешь на попятную? — жесткая улыбка искажает его губы. — Нет, уж моя дорогая. Так не пойдет. Мы с тобой связаны узами брака, которые для меня нерушимы. Поэтому запомни раз и навсегда: ты обязана принимать меня таким, какой я есть. Если нужно, разделишь со мной постель, а если понадобится, сама отведешь меня в спальню к Алсу. Ты подчинишься моей воле, как настоящая татарская жена, поняла меня?

Глава 7

Вдох. Выдох.

Только спокойствие. Только спокойствие.

— Нет, я не обязана принимать тебя таким, как ты есть, — произношу бесцветно. — А еще ты путаешь подчинение с уважением. Я никогда не обещала, что буду тебе подчиняться. Я обещала быть с тобой единым целым и быть рядом. Но делить тебя еще с кем-то не обязана, — выдыхаюсь. Но все равно продолжаю, хоть и севшим голосом: — И да, ты меня отпустишь. Иначе весь твой ближний круг и все твои партнеры узнают, какой ты подлец.

— Что ты сказала? — Рустем до боли стискивает мою руку.

Шиплю, но вырваться из хватки мужа не пытаюсь — все равно бесполезно. При этом смотрю прямо ему в глаза, чтобы он видел — я не отступлю, пойду до конца.

— Я сказала, что уничтожу то, чем ты дорожишь больше всего на свете — твою репутацию, — отчеканиваю каждое слово. — Ты, наверное, забыл, мой дорогой, — произношу со всей желчью, которая только есть во мне, — я журналист. И мне ничего не стоит осветить в прессе то, что знаменитый Рустем Хакимов не такой уж прогрессивный человек, раз решил придерживаться полигамии в отношениях. Как думаешь, твое поведение будет воспринято в светском обществе? И сколько осуждения на тебя выльется? Не говоря уже о том, как сильно пострадает твой бизнес, когда твоя кристально чистая репутация покроется грязными пятнами? Вряд ли ты захочешь такой огласки.

Понимаю, что использую запретную карту, но я попросту не вижу другого выбора. Смиряться с еще одной женой моего мужа я не собираюсь ни в коем случае. Рустем же не дурак, он должен был понимать, что ему меня не прогнуть. Но все равно пытается сломать стержень, за который я держалась всю свою жизнь. И этого я простить ему не смогу. Поэтому пойду до конца.

Вот только, видя сейчас, как черты лица мужа заостряются, мне становится совсем не по себе. Желудок сжимается в тугой узел. Ледяные мурашки покрывают кожу. Даже кажется, что глаза Рустема становятся совсем черными, из-за чего не могу отделаться от ощущения, что меня вот-вот затянет в адскую бездну… портал, который я вырыла для себя своими же руками.

— Ты смеешь мне угрожать? — зловеще спрашивает муж, отчеканивая каждое слово.

— Нет, просто пытаюсь остаться собой, — отвечаю честно. — И ради этого пойду до конца.

Тишина повисает в уборной, разрываемая лишь нашим тяжелым дыханием. Жаль, что она не длится долго, в какой-то момент все вокруг разрывается жестким смешком моего мужа, от которого у меня желудок ухает вниз. Спазм тошноты сотрясает тело.

— Так ты беременна? — вдруг неожиданно спрашивает Рустем, выбивая меня из колеи.

— Н-нет, — отвечаю на автомате.

— Хорошо, — буквально выплевывает муж. — Тогда пошли, — разворачивается и направляется к выходу из уборной. Меня тянет за собой.

Я нахожусь в жуткой растерянности, совсем не понимая, что происходит. Поэтому просто переставляю ноги, чтобы не упасть, пока Рустем тащит меня, судя по всему, в гостиную.

— Куда ты меня ведешь? — из-за страха начинают трястись поджилки, или это из-за слабости?

Муж в это время действительно заводит меня в гостиную, все еще полную гостей. Останавливается у входа. Разворачивается ко мне.

— Стой здесь! — приказывает.

Отпускает мою руку, но я перехватываю его за рукав.

— Что ты собираешься сделать? — Черт, голос дрожит.

— Собираюсь показать тебе твое место, — выплевывает муж, дергает руку, вырвав ее из моей хватки, после чего маневрирует между гостями, пока…

… пока не достигает своей матери, рядом с которой стоит Алсу.

О Боже!

Рустем хватает девушку за руку и выводит в центр комнаты, туда, где недавно надевал мне удавку на шею.

— Друзья, прошу внимания, — громко произносит, и звуки вокруг мгновенно затихают. Все взоры обращаются к Рустему. — В шестнадцатую годовщину моего брака с Оксаной я хочу сообщить вам еще одну новость, — произносит четко, ловя мой взгляд.

В нем столько затаенной ярости, что меня передергивает. Паника накатывает волной.

«Нет, ты не можешь», — молю Рустема мысленно.

И судя по всему, он меня слышит, потому удовлетворенная ухмылка растягивается на его губах, перед тем, как решает унизить меня окончательно.

— Знакомьтесь, это Алсу. В скором времени она станет моей второй женой… любимой женой, — поднимает ее руку и целует кольцо, которое должно было сегодня стать моим, но красуется на ее пальце.

Глава 8

Боль…

Да, именно ее я сейчас испытываю. Такое чувство, словно мне всадили нож в спину… нет, тысячи ножей. Кинжалов. Невероятно острых, проникающих прямо мне в сердце. И избавиться от них не получается, я попросту не могу дотянуться.

Боль…

Она не отпускает.

Хочется согнуться пополам, забиться в какой-то темный угол, спрятаться, чтобы не видеть ошарашенные и самодовольные взгляды людей, которые то и дело оглядываются назад, словно знают, где я стою… чтобы не слышать шепотки, которые заполняют тишину комнаты и достигают меня, оседая прямо в моих ушах.

— … Ты слышала? Слышала? Вот это новость!

— … А как же его первая жена?

— … Скорее всего, постарела и больше не способна удовлетворить мужчину… тем более такого!

— … да, она еще и сына ему не родила! Разве это женщина?

Жаль, что я не вижу, кто именно несет этот бред, кто насмехается надо мной, обсуждает мое унижение — перед глазами плывет! Радует только то, что слезы не проливаются, стоят колом в глазах, размывая взор.

Вот только… я все равно вижу лицо мужа! Все равно вижу, как он смотрит на меня так, словно одержал победу в войне, которую он вел сам. Вижу, как уголки его губ слегка приподнимаются. Вижу, как он доволен собой.

Боль…

Она проникает в каждую клеточку моего тела, разрезает изнутри.

Вдох.

Выдох.

Вдох…

Хочется бежать…

Хочется скрыться…

Хочется спрятаться…

Но я не привыкла сдаваться!

Я никому и никогда не позволяла сломать себя, хотя множество людей пытались меня прогнуть!

Я всегда принимала вызов!

И Рустем это знал, когда брал меня в жены.

Знал, что я не сдаюсь, а трудности меня только закаляют. Именно это во мне ему и понравилось.

Что ж… за годы нашего брака я не изменилась, и это нужно показать моему дорогому мужу.

Стираю со щеки одинокую слезинку, которая все-таки падает с ресниц.

Вдох.

Выдох.

Вдох…

Улыбаюсь!

Даже отсюда вижу, как муж напрягается… как он расправляет плечи… как смотрит на меня так, словно хочет передать мне послание: «только попробуй»!

О! Я попробую! Еще как попробую!

Вдох.

Выдох.

Вдох…

Делаю шаг вперед! Еще один! И еще…

Кто-то пытается меня остановить, кажется, свекровь, судя по жжению на запястье, когда я выдергиваю руку из ледяной хватки.

«Останутся царапины…» — проносится в голове. Неважно!

— Оксана! — доносится до меня шипение сзади. Да, это точно свекровь. Но я не обращаю на нее никакого внимания.

Не останавливаюсь, пока не достигаю мужа и его… новую любовь.

В комнате царит зловещая тишина. В ней даже удается расслышать удары моего собственного сердца.

Оно бьется сильно, ровно — словно это не его только что разорвали в присутствии множества людей.

Каждая клеточка моего тела горит, плавится, жжется.

Но я смотрю на мужа, в глазах которого светится предупреждение, а потом делаю шаг к нему, сокращаю оставшееся расстояние между нами и… обнимаю его.

Рустем застывает. Кажется, даже не дышит.

По комнате проносятся десятки удивленных вздохов, любовница моего мужа, кажется, превращается в статую. Краем глаза замечаю, как вытягивается ее лицо.

Что ж… пора нанести решительный удар.

Отстраняюсь от мужа, заглядываю ему в лицо, продолжая улыбаться так, что щеки уже во всю горят. Губы, похоже, онемели, во рту пересохло, но даже несмотря на это я все равно выдавливаю из себя громкое:

— Поздравляю!

Вторая волна изумленных вздохов проносится по комнате.

Ну что, пора вызвать третью!

Разворачиваюсь к толпе… к людям, в окружении которых я прожила последние шестнадцать лет. Жаль, конечно, их терять, но выбора нет.

Оставаться в плену брака я точно не собираюсь.

Набираю в легкие побольше воздуха и произношу:

— Рустем сообщил вам не все новости…

— Окси… — муж хватает меня за запястье, тянет на себя, пытаясь не привлечь к нам еще больше внимания.

Я даже не пытаюсь выдернуть руку из его хватки, все равно бесполезно, просто продолжаю:

— Мы не хотели портить праздник, который готовился довольно долго. Но раз Рустем решил поделиться с вами счастливой частью новости, я поделюсь второй… — вдох, выдох. Муж до боли стискивает мое запястье, сжимает его так, что рука чуть ли не отнимается. Но это меня не останавливает. Вдох. Выдох. И я произношу: — Мы с Рустемом разводимся. Срок годности нашего брака закончился. Теперь мое место рядом с Рустемом займет прекрасная Алсу!

Глава 9

Если бы комната могла стать лавой, то мы бы все еще плавились в ней.

Не могу отделаться от ощущения, что температура в ней повышается на несколько градусов точно.

Либо же это меня пытаются сжечь заживо?

Бросаю быстрый взгляд на свекровь и убеждаюсь, что, скорее, последнее.

Гульнара Ильдаровна буквально прожигает меня презрительным взглядом. Думает, он на меня подействует? С его помощью она меня заставит чувствовать себя неловко или какой-то не такой? Тогда Гульнара Ильдаровна ой как ошибается.

Я слишком часто ловила на себе подобный ее взгляд. У меня уже выработался иммунитет!

Что ж… надеюсь, теперь свекровь будет довольна. Она же получила себе невестку, которая ей по душе.

Меня больше не будет рядом с ее Рустемчиком!

Все остальные, похоже, настолько шокированы, что не могут вымолвить ни слова, зато мне есть что сказать:

— Поздравьте, пожалуйста, Рустема с таким замечательным событием. Все-таки не каждый мужчина может найти себе спутницу жизни в тот же день, когда потерял другую. Наверное, он благословлен Аллахом.

Шокированные вдохи снова проносятся по гостиной, я даже ловлю на себе несколько презрительных взглядов. Наверное, все-таки я переборщила с последней фразой, но… плевать.

Все равно меня на этом празднике жизни больше не будет! Если хотят судачить обо мне, пожалуйста! Все равно моя жизнь в скором времени с этими людьми перестанет быть связана.

Дергаюсь вперед, чтобы убраться подальше, но даже шага сделать не могу.

Я и забыла, что Рустем все еще держит меня.

Блин, последнее, чего мне хочется — смотреть на него. Но, похоже, выбора все-таки нет.

Оглядываюсь через плечо и встречаюсь с абсолютно бесстрастным лицом мужа. Ух ты, как он быстро натянул на себя свою излюбленную маску.

— Отпусти, пожалуйста, — прошу вежливо, но в моей голове все равно проскальзывают стальные нотки, — я не очень хорошо себя чувствую.

Рустем всего мгновение смотрит на меня, словно я пустое место — я даже умудряюсь подумать, что он не расслышал мою просьбу, — но через мгновение муж сужает глаза. Желудок тут же ухает вниз, я знаю, этот его жест — Рустем что-то задумал.

В следующий же миг убеждаюсь в том, что хорошо знаю Рустема… слишком хорошо.

Потому что я и моргнуть не успеваю, как муж делает шаг вперед и… подхватывает меня на руки, как невесту.

Очередная волна шокированных вдохов проносится по комнате, но через мгновение стихает под громогласным голосом мужа:

— Прошу прощения, кажется, моя жена, — делает акцент на первом слове, — переборщила с алкоголем. Оно и понятно, русская, — произносит так, словно это само собой разумеющееся.

— Ты охренел?! — шиплю, делая попытку извернуться, чтобы вырваться из хватки мужа.

Но тот лишь крепче прижимает меня к себе и рычит мне на ухо:

— Сиди смирно, или я закину тебя на плечо и отшлепаю у всех на глазах, — стреляет в меня глазами, полными предупреждения, и снова обращается к толпе:

— Но вы не переживайте, я сейчас уложу ее в кровать и вернусь. А пока познакомьтесь с новой хозяйкой вечера. Алсу, возьми на себя эту роль, пока Оксана… не в себе!

Глава 10

Хватаю ртом воздух!

Я настолько в шоке, что мой собственный муж мог обвинить меня в пьянстве, что даже слова вымолвить не могу.

За этот вечер я даже не притронулась к алкоголю — настолько плохо себя чувствовала, не говоря уже о том, что это Рустем в последнее время начал пристрастился к бутылке. Чего того стоит полупустой графин с янтарной жидкостью, стоящий в его кабинете? Я думала, у мужа какие-то проблемы в бизнесе, ведь раньше он даже по праздникам не притрагивался к алкоголю — даже предлагала поговорить, но Рустем просто отмахивался от меня. Оказалось все до банального просто — муж просто пытался усидеть на двух стульях, скорее всего, глубоко внутри себя понимая, что ножки одного в скором времени сломаются.

Рустем не мог не понимать, что после «новости» нас ждет развод, тогда какого черта устроил весь этот цирк? Думал, я не способна устроить публичный скандал? Ну что ж? Тогда он безгранично ошибался?

Внутри у меня плещется настолько сильная обида, подпитываемая яростью, что я готова разрушить последнее, что у меня есть — мою репутацию.

Все знают меня как сдержанную самодостаточную женщину, не хотелось бы превращаться во взбалмошную истеричку, которая только и может, что кричать, выяснять отношения на людях.

Вот только муж не оставляет мне выбора!

Пока я пытаюсь прийти в себя после очередного потрясения, Рустем пользуется моментом моей слабости и начинает рассекать толпу.

Хотя, возможно, это люди сами расступаются перед ним?

Скорее всего, последнее. Ведь все уважают господина Хакимова! А его жена… она так, его приложение, собственность.

Но больше всего меня бесит, что люди вокруг с удовольствием понаблюдали бы за тем, как Хакимов превратится в заядлого дрессировщика, который укротит дерзкую русскую кобылку, не желающую подчиняться устаревшим традициям! Да, блин! Если уже отбросить банальное уважение между партнерами, может, лучше вспомнить, что цивилизованные люди уже давно не соблюдают эти самые традиции! Когда кто-то из татар в последний раз брал вторых жен? Когда?!

Что ж… если эти варвары, которые называют себя людьми, думают, что я сдамся, подчинюсь воле мужа, как требует их традиции, они еще никогда так не ошибались!

Я не позволю обращаться со мной, как с последней девкой, с чьим мнением не стоит считаться!

Вдох. Выдох.

Муж даже выйти из гостиной не успевает, как я с размаху бью локтем ему в солнечное сплетение!

— Уф, — вылетает из него.

Рустем резко останавливается, хватает ртом воздух, стискивает челюсти.

Его глаза резко вылетают из орбит, желваки начинают гулять по лицу.

Пока муж стоит в оцепенении, мне каким-то чудом удается выбраться из его рук. Вот только стоит снова оказаться на ногах, как на моем запястье в который раз за вечер оказываются «кандалы». Рустем с такой силой стискивает мою руку, что боль острыми стрелами пронзает все тело.

— Пусти меня, — шиплю мужу прямо в лицо.

Рустем лишь угрожающе смотрит на меня, пока делает глубокий вдох.

— Пусти или закричу, — чуть повышаю голос.

— Кричи! — хрипит он. — Кому ты хуже от этого сделаешь?

Вот как? Ну что ж… посмотрим, кому!

Набираю в легкие побольше воздуха, открываю рот и…

Ничего сделать не успеваю, ведь Рустем рывком притягивает меня к себе и впивается в мои губы жадным поцелуем.

Глава 11

«Муж целует меня при всех!» — шокирующая мысль пронзает меня до самого основания.

Время останавливается. Шум гостиной глохнет, будто кто-то выдернул шнур из розетки. Я чувствую только грубый нажим губ мужа на свои, запах дорогого парфюма, смешанный с едва уловимым ароматом виски, и ледяную пустоту внутри.

Рустем прижимает меня к себе так сильно, что ребра ноют, а серебряная удавка с сапфирами впивается в кожу.

Меня тошнит. От лжи мужа. От его рук. От этого публичного унижения, прикрытого поцелуем. Вечность проходит в одну секунду — я не дышу, не чувствую ног, ощущаю только биение сердца, готовое разорвать грудную клетку.

Не проходит много времени, как появляется отвращение. Горячее, всепоглощающее. Оно сжигает ступор дотла.

— Пусти, — сдавленно хриплю, когда с дикой силой толкаю мужа в грудь. Рустем ахает, его хватка ослабевает. Я вырываюсь, шатаюсь, но не падаю. Бешенство придает сил. Рука сама взлетает вверх, ладонь горит от желания встретиться со щекой мужа. Замахиваюсь…

Вот только Рустем оказывается слишком быстрым. Он перехватывает мое запястье за сантиметр до намеченной мною цели. Боль пронзает руку до плеча. Муж отталкивает мою все еще открытую ладонь в сторону, его черные глаза становятся похожи на два уголька презрения на бесстрастном лице.

— Не смей больше прикасаться ко мне! — шиплю я, задыхаясь. Взглядом стараюсь пронзить мужа насквозь.

И, похоже, получается, ведь я замечаю, как дрогнула мышца на его скуле. Хорошо. Пусть знает, что он больше для меня никто! Никто!

Разворачиваюсь на каблуках так резко, что мир плывет. Не вижу ни шокированных гостей, ни торжествующую Алсу, ни лица Гульнары Ильдаровны с ее ядовитой улыбкой. Вижу только выход. Иду сквозь толпу, не опуская головы, чувствуя на спине сотни глаз.

Русская! Пьяная! И после этого он поцеловал меня при всех! При всех!

Куда делись священные традиции моего муженька, его «уважение к дому», его лицемерная забота о репутации? Ну и кому хуже сделал этот цирк?

«Мне», — ответ проносится в голове ледяной иглой, когда я вылетаю в пустой холл и подбегаю к лестнице. — «Только мне. Рустем выкрутится, отмоется, как всегда. Сомневаюсь, что его репутация пострадает».

Мраморные ступени мелькают под ногами. Лечу наверх, не чувствуя усталости, не видя знакомых стен с дорогими пейзажами, не замечая любимого бронзового светильника в форме лотоса.

Моя цель — спальня. Наша спальня. Бывшая наша спальня.

Добираюсь до нее удивительно быстро, учитывая, что в голове кавардак.

Щелкаю выключателем.

— Ни на секунду не останусь здесь! Ни на секунду! — бормочу себе под нос, переступая порог.

Свет льется с потолка мягкими лучами, подсвечивая каждую деталь, которую я выбирала с такой любовью. Светло-бежевые стены, как теплый песок. Шелковистый балдахин над кроватью царского размера — цвет увядшей розы. Шикарный турецкий ковер под ногами, ворс которого помнит наши босые шаги. Туалетный столик из темного дерева с моими духами, часами Патек Филипп Рустема. Большие окна в пол, сейчас затянутые тяжелыми шторами цвета хаки — я хотела уюта, а Рустем строгости, вот мы и нашли компромисс.

Теперь же моя любимая комната в доме — просто музей мертвых иллюзий.

Не оглядываясь, иду прямо в гардеробную — просторную, с зеркалами во весь рост и системой подсветки. Достаю с верхней полки у двери большой чемодан на колесиках — дорогой, кожаный, купленный для наших так и не состоявшихся каникул на Мальдивах. Иронично.

Швыряю чемодан на широкий пуф, установленный посередине комнаты. Расстегиваю молнию с резким, злым звуком.

Подлетаю к своим полкам. Аккуратно сложенные цветные свитера скидываю в чемодан грудой. Платья на вешалках срываю, не глядя, бросаю сверху. Белье достаю вместе с выдвижными ящиками и вываливаю наверх. Пусть мнется. Пусть рвется. Мне все равно.

Вот только не проходит много времени, как я слышу звук шагов. Тяжелых, быстрых, знакомых. Они затихают прямо у входа в гардеробную. Спиной чувствую чужое присутствие.

— Убирайся, Рустем! — бросаю через плечо, не отрываясь от полки с обувью. Хватаю первые попавшиеся туфли, швыряю в чемодан. — Я тебя видеть больше не хочу! Ты перешел сегодня все границы! Мало того, что не уважаешь меня, так еще и опозорил при всех… При всех! — голос срывается, но я стискиваю зубы. Не дам мужу удовольствия видеть слезы.

Стоит мне замолчать, в комнате повисает тишина. Звенящая, давящая. Жду ответного удара мужа — холодного, расчетливого, того, что вонзается больнее кулака.

Но… слышу совсем другой голос — тонкий, испуганный, режущий душу пополам:

— Мама? Что происходит?

Замираю. Рука с любимыми замшевыми ботильонами застывает в воздухе. Медленно, как в кошмаре, поворачиваюсь.

На пороге гардеробной стоит Амина. Моя дочь. Наша дочь. В своем лучшем голубом платье, с аккуратно уложенными темными волосами. Ее большие, так похожие на мои, глаза расширены от шока. В них с легкостью читается немой вопрос, растерянность, зарождающийся ужас.

Откуда дочка здесь? Она же должна быть у Леры! До завтра!

Горло сжимается. Хочу крикнуть: «Аминочка!», броситься к ней, спрятать от всего этого безумия. Но язык прилипает к небу. Мне требуется несколько долгих секунд, чтобы заставить его функционировать.

Не успеваю открыть рот, чтобы спросить, как дочка здесь оказалась, как слышу грубое и жестокое:

— Мать собралась тебя бросить!

Глава 12

Время сжимается в ледяной ком.

Амина...

Моя Амина стоит на пороге гардеробной, бледная, как моль, и смотрит на меня с немым ужасом. В глазах дочери отражается хаос разбросанной одежды, зияющий чемодан и, самое страшное, — моя растерянность. Откуда она здесь? Рустем же согласился на то, что дочь проведет этот вечер вне дома! Он так неохотно отпускал дочь на день рождения подруги, ворчал про «семейный праздник», пока я не встряла, не напомнила про то, что это будет «мероприятие для взрослых», и пообещала устроить наш маленький семейный праздник позже. Тогда Рустем согласился. Теперь же я понимаю, что он не хотел, чтобы дочь видела его низость. Видела, как он ломает ее мать. Или это просто совпадение?

Неважно. Главное только то, что слова мужа «Мать собралась тебя бросить!» висят в воздухе, ядовитые и тяжелые. И они бьют по Амине. Замечаю, как дочка съеживается, как начинают подрагивать ее губы.

Этот подлый удар ниже пояса меня тоже не оставляет равнодушной — вышибает из меня воздух, а затем вызывает ужасное бешенство… белое и ослепляющее.

— Что ты несешь?! — кричу так, что, кажется, дрожат хрустальные подвески люстры в спальне. — Я бы никогда не бросила свою дочь! Никогда!

Рустем, появившийся парой секунд назад в поле зрения, остановился за спиной Амины. Его лицо напоминает маску холодного превосходства. Он медленно обводит рукой гардеробный апокалипсис: чемодан, набитый впопыхах, вещи, валяющиеся на полу, на пуфе.

— А как ты это тогда назовешь? — спрашивает ровно, безэмоционально.

— Это последствия твоего предательства! — выплевываю я, шагая к выходу, огибая Амину и заслоняя ее собой. — Ты разбил семью, Рустем! Не я! Ты привел сюда эту… эту девку! Ты опозорил меня при всех! Это — твой выбор! А это — моя реакция на него! Уйти от лжи и унижения — не значит бросить ребенка!

Амина выходит из своего «укрытия», останавливается сбоку. Если бы было можно, она бы даже между нами влезла, а так просто смотрит то на меня, то на отца, огромными глазами от непонятного, страшного мира взрослых, рушащегося у нее на глазах. Пальцы дочери судорожно сжимают складки платья. Она вдыхает. Ее тонкий голосок, дрожащий и растерянный, разрезает напряженную тишину:

— Мама… Папа… Что происходит? Что… что не так?

Рустем первым находит слова. Он делает шаг вперед, его взгляд соскальзывает с меня на дочь, и в нем появляется что-то… наставительное.

— Происходит то, Амина, — говорит он с мнимой сдержанностью, — что твоя мать решила забыть о своем долге. Забыть о том, что жена должна уважать решения и слово своего мужа. Даже если они ей… не по нраву. Она решила противоречить мне. Публично. И теперь хочет сбежать, как капризный ребенок.

Спокойствие мужа, извращение правды, попытка представить меня виноватой, а себя — оскорбленным главой семьи, поджигает во мне новую волну ярости. Рустем говорит с моей дочерью, пытаясь ее запутать, переманить на свою сторону этим лицемерным тоном «разумного взрослого».

— Уважать?! — взрываюсь, перебивая его, голос звенит от негодования. — Уважать за что, Рустем? За ту девку внизу, которую ты назвал своей второй женой на нашу годовщину?! За то, как ты поступил со мной при всех?! За то, что назвал меня пьяной и выставил дурой?! Ты не достоин уважения! Ты не достоин меня! Ты не достоин нас! — я резко поворачиваюсь к

Амине, стараюсь сделать так, чтобы голос звучал твердо, несмотря на дрожь внутри. — Амина, иди. Собирай свои вещи. Самые необходимые. Мы уходим. Сейчас же.

— Не смей! — рявкает Рустем. Он делает резкий шаг вперед, заполняя собой проход. Его лицо искажается гневом. — Никуда она не пойдет!

Амина вздрагивает от неожиданности — отец никогда не повышал на нее голос, да и вообще дома его не повышал. Поэтому неудивительно, что глаза дочери наполняются слезами. Амина сжимается, готовая расплакаться или вжаться в стену, не уверена.

Я не отвожу от нее взгляда. Вижу ее страх. Вижу растерянность. А еще вижу нужду в моей твердости. В моем решении. Я не могу дать Рустему сломать ее тоже.

— Амина, — повторяю, отделяя каждое слово, вкладывая в них всю свою волю, всю свою защиту. — Иди. Собирай. Вещи. Сейчас.

— Иди в свою комнату, — перебивает меня Рустем, не терпя возражений. Он тоже смотрит только на дочь, игнорирует меня. — И ложись спать. Сейчас же. Если твоя мать хочет устроить истерику и уйти — это ее выбор. Но она уйдет. Одна.

Слова мужа ощущаются словно нож, вонзенный мне под ребра. «Одна». Рустем думает, я дрогну? Он думает, я оставлю Амину с ним… с человеком, который только что предал все, во что мы верили… который готов лгать и манипулировать?

— Я не оставлю свою дочь! — произношу с такой силой, что даже Рустем на мгновение замирает. — Никогда! Ты слышишь? Никогда!

Рустем поворачивается ко мне медленно. Весь его гнев, вся ярость сменяются холодной, расчетливой уверенностью хищника, загнавшего жертву в угол. В черных глазах мужа вспыхивает что-то древнее, беспощадное. Уголок его губ приподнимается в едва заметной, торжествующей ухмылке. Он делает шаг ко мне, нависая, его взгляд бьет в упор.

— Ну а я тебе нашу дочь не отдам, — произносит Рустем тихо, почти шепотом. — Или ты не знаешь, Оксана? — он делает паузу, наслаждаясь моим предчувствием удара. — По нашим законам… дети остаются с отцом.

Глава 13

Потрясение такой силы пронзает тело, что я даже толком вздохнуть не могу. Воздух застревает где-то в груди, превращаясь в ледяной ком. Смотрю на Рустема глазами, полными шока, и не верю в то, что услышала. Его лицо передо мной плывет, расплывается на темные пятна.

У меня начались галлюцинации, правда?

Мой собственный муж только что угрожал мне, что отнимет дочь?

Он не пытался оправдать свое мудачество законами и традициями своего мира?

Хотя нет, последнее он точно сделал, как и все остальное… Боже…

Что это за человек передо мной? Куда делся мой Рустем, который клялся, что будет заботиться обо мне и любить… который разорвал цепи старого мира ради нашего нового? Его взгляд… в нем нет ничего человеческого. Только холодная, хищная уверенность в своей безнаказанности. Муж смотрит на меня, как на раздавленную букашку, чье сопротивление его лишь забавляет.

«По нашим законам…» — эти слова висят в воздухе, ядовитые и тяжелые, как сапфировая удавка на моей шее.

— Папа… — пищит Амина, приходя в себя первой. Ее голосок, тонкий и надтреснутый, разрезает ледяную тишину гардеробной. — Вы правда с мамой расходитесь? — дочка во все глаза смотрит на своего отца, который даже ни на секунду не отрывает от меня пристального, полного превосходства взгляда. В глазах Амины отражается целая пропасть. Мир, в котором она жила, рушится у нее на глазах, и самое страшное — она видит, как ее отец толкает его под откос.

— Тебе этот вопрос нужно задавать не мне, а своей маме, — отчеканивает Рустем спокойно, выгибая темную бровь. В глазах мужа легко считывается вызов: «Ну давай, еще и нашу дочь разочаруй. Покажи ей, какая ты эгоистка. Продолжай скандалить. Я готов».

Вот же гад, перекладывает с больной головы на здоровую! Он спровоцировал эту войну, выставил меня сумасшедшей перед гостями, поцеловал насильно, чтобы унизить, а теперь делает вид, что это я разрушаю семью перед дочерью? Я знаю, зачем Рустем пытается все это провернуть — хочет обелить себя в глазах Амины, показать, что это не он пытается разрушить нашу семью, что это я плохая, не уважающая его «решения». Что я бросаю ее. Что я ухожу от нее.

— Мам! — Амина поворачивается ко мне. В глазах дочери светится мольба и страх. Она хочет услышать, что это неправда… что папа ошибается… что ее мир еще можно спасти.

Сердце рвется на части. Видеть эту боль в глазах собственного ребенка — хуже любого кинжала, вонзенного в сердце. Но я не могу позволить Рустему использовать ее как оружие против меня. Не могу позволить ему разыгрывать этот грязный спектакль дальше. Я должна вырвать ее из этой токсичной ловушки. Сейчас.

— Иди в свою комнату, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал твердо, несмотря на дикую дрожь внутри. Смотрю прямо на Амину, пытаясь донести до нее хоть крупицу своей любви и решимости сквозь ледяную стену отчаяния. — Нам нужно с твоим отцом поговорить. Серьезно поговорить.

— Ну мам… — начинает она, голос срывается на плач. — Я не хочу… Я не понимаю…

— Амина! — обрываю ее я, резче, чем хотелось бы. Но промедление смерти подобно. Рустем использует каждую секунду ее замешательства. — Я кому сказала? Иди в свою комнату. Можешь начать собирать свои вещи. Я минут через десять приду к тебе и помогу. Собирай самое важное. Книги, ноутбук, сменную одежду, плюшевого зайца.

— Пап… — Амина отчаянно переводит взгляд на отца, ища защиты, поддержки, хоть какого-то знакомого островка безопасности в этом внезапном шторме. Ее пальцы судорожно сжимают складки голубого платья.

Рустем смотрит на дочь. На мгновение в его глазах мелькает что-то неуловимое — может, тень сожаления, может, просто раздражение. Но он быстро берет себя в руки. Его лицо снова становится непроницаемой маской.

— Иди в комнату, — муж повторяет мои же слова, но его интонация больше напоминает приказ. Окончательный и бесповоротный. — Но вещи не трогай. Ничего не собирай. Ты никуда не уходишь. Ты остаешься дома.

Амина смотрит то на меня, полную решимости, но, как ей кажется, уходящую от нее, то на отца, холодного и непререкаемого. Ее лицо искажает гримаса боли и гнева, такой чистой и беспомощной, что хочется закричать. Она отступает на шаг назад, к двери.

— Я… я вас ненавижу! — выпаливает она, и слезы, наконец, прорываются сквозь выстроенную ею плотину, катятся по щекам быстрыми, жгучими дорожками. — Обоих! Ненавижу!

Она разворачивается и выбегает из гардеробной. Ее легкие шаги, прерываемые всхлипами, быстро удаляются по коридору. Раздается громкий, отчаянный хлопок двери. Звук эхом отдается в моей пустой груди.

Тишина снова повисает в гардеробной. Густая, тягучая, пропитанная ненавистью и ледяной злобой. Я стою, сжав кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Боль — хоть какое-то реальное ощущение в этом кошмаре. Последнее, чего бы мне хотелось сейчас — это разговаривать с бывшим мужем. Но выбора, похоже, нет, особенно после того, как он вдруг заявляет низким, довольным собой голосом:

— Ну что, ты довольна? Расстроила дочь. Довела ее до истерики. Добилась своего? Скажи, Оксана, тебе нравится все вокруг себя? Или, может, пора поумерить пыл? И согласиться, что важные решения лучше доверить принимать мужчине?

***

Девочки, я готова познакомить вас с еще одной историей нашего литмоба *“Вторая жена”*.

И это книга Жанны Никитиной

ИЗМЕНА ДЛИНОЮ В БРАК

https://litnet.com/shrt/PBPC

Татьяна
НИКИТИНА
ИЗМЕНА
длиною в брак

Глава 14

Рустем опирается плечом на дверной косяк, руки скрещивает на груди.

Победитель.

Хозяин положения.

Хозяин моей жизни и жизни моего ребенка.

Все это, конечно, в его голове.

Бешенство, белое и ослепляющее, сжигает остатки осторожности. Вспыхиваю моментально…

— Расстроила? Я? — шиплю я, делая шаг к нему. — Ты ничего не перепутал? Это вроде бы не я сейчас ношу на себе клеймо изменщика! Клеймо человека, который на шестнадцатую годовщину преподнес жене в подарок… вторую жену! И вообще, — голос срывается, но я заставляю себя говорить четко, чтобы вдолбить в твердолобую голову мужа простые слова, — зачем ты втягиваешь Амину в наши разборки? Она ребенок! Ее мир должен быть безопасным! А ты… ты его взорвал! Своим эгоизмом! Своей похотью! Своей… — я задыхаюсь, ищу самое горькое, самое точное, — твоей жаждой наследника! Не говоря уже о том, что тебе Амина не нужна! Ты же хочешь мальчика! От своей новой женушки! — я почти выкрикиваю последние слова, указывая рукой вниз, туда, где, наверное, руководит праздником его драгоценная Алсу. — Так иди и делай его ей! А меня… — голос внезапно срывается в хрип, — отпусти… И Амину со мной. Отпусти нас. Оставь нас в покое. Ты получил то, что хотел. Ты выиграл. Забери свою победу и уйди из нашей жизни, — выдыхаю, силы заканчиваются. Но я собираю в себе их остатки и добавляю со всем сарказмом, который только мне присущ: — Конечно, если ты и правда настоящий мужчина! — использую последнюю фразу мужа против него же.

Замолкаю, дрожу всем телом. Ком в горле разрастается так сильно, что мне становится больно глотать. Глаза горят. Но я не позволю слезам упасть. Не перед ним.

Тишина снова сгущается. Рустем смотрит на меня, его лицо становится совсем непроницаемым. Кажется, муж обдумывает мое предложение. Кажется… Или это просто игра?

Вдруг сзади, из глубины спальни, раздается спокойный, привычно презрительный голос:

— Рустем… она права.

Мы оба резко оборачиваемся. В дверном проеме спальни, опираясь на трость с серебряным набалдашником, стоит Гульнара Ильдаровна. Моя свекровь. Ее безупречный белый смокинг, темная гулька, безукоризненный макияж — все кричит о контроле и превосходстве. Темные, как у сына, глаза женщины холодно скользят по мне, по хаосу в гардеробной, и останавливаются на Рустеме.

— Отпусти ее, — говорит она сыну, таким тоном, словно не просит Рустема о чем-то, а, скорее, приказывает. — Хватит держаться за эту… безродную кобылку, которая за столько лет не смогла выучить одну простую истину — как быть послушной женой, — губы Гульнары Ильдаровны искривляются в брезгливой усмешке. — Тем более, ей замену мы уже подобрали. Более достойную. Молодую. Здоровую. Замену, которая знает свое место и уважает традиции, — она делает паузу, ее взгляд снова падает на меня, тяжелый и оценивающий. — Да и девочку… — она машет рукой в сторону комнаты Амины, — можно отдать матери… до поры до времени точно и посмотреть, что из этого станется. Тем более, Оксана права, наследника она родить тебе не смогла. Зачем тебе лишняя обуза? Пусть забирает свою дочь и уходит. Конечно, если мы увидим, что она как-то не так воспитывает девочки, всегда можно будет вмешаться…

Замираю, не веря своим ушам. Неверие сменяется острым, почти болезненным удивлением.

Свекровь? Моя свекровь, которая ненавидела меня все эти годы… которая видела во мне угрозу своему влиянию на сына… которая мечтала видеть его с «правильной» татарской

женой… Она становится на мою сторону? Да, со своим фирменным презрением, с унизительными эпитетами… но она говорит то, чего я так отчаянно хочу!

Отпустить.

Меня.

С дочерью.

Сердце бешено колотится. Глоток воздуха обжигает легкие. Неужели? Неужели сегодняшний кошмар закончится? И я смогу уйти? С Аминой? Прочь от этой лжи, от этого унижения, от этого человека, который стал чужим?

— Мама… — Рустем, явно, хочет осадить мать.

Но та резко поднимает руку, останавливая его.

— Конечно, — произносит женщина четко и ядовито ухмыляется, — для этого она должна соблюсти несколько условий.

Глава 15

Слова свекрови повисают в воздухе, тяжелые и звенящие.

Конечно… несколько условий. У Гульнары Ильдаровны не может быть по-другому.

Это осознание моментально гасит слабую искру надежды, едва мелькнувшую во мне. Благодарность застревает комом в горле, сменяясь леденящим душу предчувствием. Я слишком хорошо знаю свекровь. Эта женщина никогда и ничего не делает просто так.

Сейчас же она стоит в проеме, рядом со своим сыном, опираясь на свою изысканную трость, и смотрит на меня так, словно уже победила. Осанка женщины безупречна, белый смокинг кричит о власти и деньгах, а взгляд, холодный и оценивающий, медленно скользит по мне — с ног до головы, оставляя на коже ощущение, будто я лот на аукционе, а не человек, стоящий на краю пропасти. Взгляд Гульнары Ильдаровны прожигает кожу, напоминая о всех годах ее молчаливого, но яростного неприятия моей персоны. Сейчас же к нему еще добавляется ожидание… У меня уходит несколько долгих секунд на то, чтобы понять, чего же на самом деле эта женщина ждет.

Рустем напрягается, но, почему-то, не перечит своей матери. Возможно, тоже хочет выслушать условия своей матери?

— Условия? — вырывается из меня хриплый вопрос. Непроизвольно сжимаю кулаки, ногти впиваются в ладони. Боль становится якорем в бушующем море лжи и манипуляций.

Гульнара Ильдаровна слегка наклоняет голову, тонкая усмешка трогает ее губы. Она наслаждается моментом. Наслаждается моей уязвимостью, моей отчаянной нуждой в этом выходе, который она так «великодушно» предлагает.

— Естественно, — начинает она, четко выговаривая каждую букву, будто диктуя условия договора, который я всеми фибрами души не хочу «подписывать». — Прежде всего, речь о чистоте репутации семьи Хакимовых. Ты уходишь тихо. Без скандалов. Без попыток вынести сор из избы в свою… прессу, — женщина делает едва заметное ударение на последнем слове. В ее глазах вспыхивает презрение к моей профессии, которая всегда была для нее символом моего неподобающего, слишком независимого статуса. — Никаких интервью. Никаких намеков в соцсетях. Никаких жалоб подружкам, которые могут оказаться не тактичны. Ты исчезаешь из нашей жизни бесшумно. Как будто тебя никогда и не было. Твое имя больше не должно ассоциироваться с именем моего сына ни в каком, даже самом отдаленном, контексте. Иначе… — она делает паузу, позволяя угрозе повиснуть в воздухе. Но в итоге, похоже, решает озвучить ее: — Последствия для тебя будут крайне неприятными. Юридическими и… не только. Ты понимаешь, о чем я.

«Юридическими и не только» — эти слова свекрови обдают меня ледяным потом. Я понимаю. Очень хорошо понимаю. Мощь и связи Хакимовых не ограничиваются залами судов. Это мир теней, где Гульнара Ильдаровна чувствует себя как рыба в воде.

— Если ты захочешь все-таки покинуть меня, тебе придется подписать договор о неразглашении со всеми пунктами, которые внесут в него юристы. Иначе ты не переступишь порог моего дома с чемоданом! — добавляет Рустем тихо, но весомо. Он все еще стоит чуть в стороне, наблюдая, как его мать методично закручивает гайки. Его лицо непроницаемо. Но я все равно понимаю — он сдался. Муж больше не собирается бороться за «нас», которых давно нет. Но… что поменялось? Буквально несколько минут муж был готов нацепить мне на шею удавку, чтобы я осталась его женой? Неужели он понял? Что я пойду до конца? Или… это мать на него так сильно повлияла? А есть ли разница? Ведь у меня появился шанс на спасение. Им нужно воспользоваться!

Молчу, глотая горькую слюну. Цена свободы, которую назвала Гульнара Ильдаровна, уже кажется непомерной, но я решаю дослушать все до конца, прежде чем пойму, смогу ли я заплатить остальную часть, поэтому спрашиваю:

— Какое следующее условие?

Глава 16

Гульнара Ильдаровна ухмыляется, явно довольная тем, что загнала меня в угол… что я сама иду на контакт. Но, видимо, она плохо меня знает, потому что я всегда действую по принципу «нужно сначала получить все карты на руки, а потом решать, как лучше поступить». Что ж… пусть свекровь продолжает считать меня дурой, мне это только на руку.

— Во-вторых, — продолжает свекровь, поднимая два пальца в воздух, — имущество. Ты уходишь с тем, с чем пришла. Ни копейки денег Рустема ты не получишь. Ни одной вещицы, купленной на его средства. Драгоценности? — ее взгляд презрительно скользит по сапфировой удавке на моей шее. — Сними. Сейчас. Они принадлежат дому Хакимовых. Как и все остальное, что ты считаешь «своим» здесь. Твоя одежда? Подарки? Дорогие безделушки? — она пожимает плечами. — Оставь. Это оплачено из его кармана. Ты получишь… — она делает театральную паузу, — скромное пособие. Ровно на то, чтобы снять жилье и устроиться на первое время. Как благотворительность. В знак… нашего снисхождения.

«Снисхождение»...

Какая же моя свекровь все-таки стерва.

Кровь приливает к лицу. Оставить все? Все, что было частью моей жизни здесь? Мои книги, мои фотографии, мои памятные вещицы? Это не просто вещи. Это осколки моей жизни, моих иллюзий. И она хочет отобрать и их?

Ну что ж… если такова цена, я ее заплачу, и плевать на все!

Вещи — это просто вещи!

А моя свобода бесценна!

— Мама, это уже перебор… — пытается одернуть свекровь Рустем.

— А что такого? — она бросает на сына невинный взгляд. — Если хочет бросить тебя, пусть уходит такой, как пришла… голая, как соколиха!

Рустем лишь поджимает недовольно губы, но больше ничего не говорит. Интересно, что у него в голове? Неужели он думает, что я отступлю из-за подобного давления? Останусь с ним, тогда Рустем тоже не знает меня. Материальное никогда не было для меня важным. И я их точно не поставлю выше своей свободы… а вот то, что они отнимают мой голос, то есть права говорить о своей неудачной семейной жизни, меня очень волнует.

— В-третьих, — голос Гульнары Ильдаровны звучит громче, набирая металлические нотки. Она делает шаг вперед, ее трость глухо стучит по полу гардеробной. — Самое главное. Амина, — при имени дочери мое сердце сжимается в ледяных тисках. — Ты забираешь ее. Мы не станем чинить препятствий. На первый взгляд, — свекровь смотрит мне прямо в глаза, и в ее взгляде появляется холодная жестокость хищницы. — Но девочка — плоть Хакимовых. Ее кровь — наше, ее имя — наше. Ты получишь опеку. Формально. Но ты должна будешь соблюдать наши правила. Полностью.

— Какие правила? — вырывается у меня, голос дрожит от потаенного страха и разрушающего изнутри гнева.

Глава 17

Дочь — для меня самое главное в этой жизни, и свекровь это прекрасно понимает. Наверное, поэтому тянет с ответом. Молчит долго… очень долго.

Время тянется медленно, такое чувство, что даже замедляется. Каждая мышца в моем теле напоминает натянутую тетиву. Бешеное биение сердца отдается в ушах.

Вот только я не собираюсь показывать этой… коршунихе, в каком состоянии нахожусь. Надеюсь, что выгляжу максимально равнодушно. Дышу ровно, челюсти сжаты плотно, подбородок вздернут. И, видимо, Гульнаре Ильдаровне совсем не нравится то, что я не показываю своих чувств, потому что свекровь недовольно поджимает губы. Странно еще, что не фыркает.

Но, по крайней мере, говорить начинает:

— Во-первых, — свекровь поднимает указательный палец, — никакого негатива в отношении Рустема, нашей семьи, наших традиций в присутствии Амины быть не должно. Никогда. Ни слова упрека. Ни намека на то, что ее отец какой-то не такой. Ты скажешь ей, что ушла по своей воле. Что это твой выбор. Что ее отец — безупречный человек, и она должна уважать его и его выбор, согласованный традициями. Во-вторых, — поднимается второй палец, — она сохраняет фамилию Хакимова. Ты не смеешь даже думать о ее смене. В-третьих, — третий палец оказывается в воздухе, — она будет регулярно видеться с отцом. По нашему графику. В нашем доме. Без твоего присутствия. И во время этих визитов, — голос свекрови становится тише, но от этого только страшнее, — мы будем… воспитывать ее правильно. Напоминать ей о ее корнях. О ее месте. О том, что ее мать… — она бросает на меня уничтожающий взгляд, — совершила ошибку, которую вовремя исправили, найдя подходящую замену. Мы позаботимся, чтобы девочка выросла настоящей Хакимовой. А не… — она делает паузу, подбирая самое обидное, — с твоими сомнительными идеями о независимости и равенстве.

Мир сужается до точки. До ледяного лица свекрови, до ее пальцев, отсчитывающих мою капитуляцию. Они хотят украсть мою дочь не физически, а духовно. Вытравить из нее любовь и уважение ко мне. Сделать ее своим орудием. Частью их мира, который я ненавижу.

— Ты действительно этого хочешь? — неверяще смотрю на Рустема.

— Ты всегда можешь остаться, — пожимает плечами он.

Я же не могу избавиться от мысли: «Почему Рустем не перечит своей матери?». Мой почти бывший муж всегда же сам принимал решения, никому не позволял собой помыкать. А сейчас буквально уничтожает меня руками своей матери.

— А если я не дам сделать из Амины послушную марионетку? — стараюсь говорить ровно, но в моем голосе проскальзывают гневные нотки.

— Тогда я заберу у тебя дочь и отдам ее на воспитание женщинам нашей семьи, как того велят наши традиции, — наносит мне последний и самый сильный удар Рустем.

Глава 18

Не верится. Просто не укладывается в голове. Воздух вышибает из легких, словно с размаху ударили в солнечное сплетение. Я смотрю на Рустема, на его лицо, которое когда-то было любимым, а теперь стало маской ледяной жестокости.

— Ты… не можешь этого сделать, — из меня вырываются хриплые слова. — Амина… она наша дочь! Твоя кровь! Ты не отдашь ее чужим людям на воспитание! Она нуждается в матери! В своей матери!

Рустем не отвечает сразу. Он медленно, с убийственным спокойствием, входит в гардеробную. Его темные глаза, эти бездонные омуты, что когда-то манили, сейчас пугают своей пустотой и расчетом. Инстинктивно отступаю назад, спотыкаясь о разбросанную одежду. Муж продолжает двигаться ко мне, неспешно, словно хищник, знающий, что добыча в ловушке.

Шаг.

Еще шаг.

Моя спина упирается в стойку с вешалками, холодный металл впивается в лопатки.

Отступать некуда.

И вдруг… Рустем улыбается. Не тепло, не по-человечески. На его лице расплывается улыбка триумфа, смешанная с презрением.

— Чужим? — мягко, почти ласково переспрашивает муж. — Женщины нашего рода — чужие? Ты так и не поняла, Оксана, в какой мир вошла, — он делает паузу, давая своим пропитанным ядом словам впитаться в мой мозг. — У нас девочек воспитывают мудрые женщины семьи. Бабушки, тети. Они помогают вырастить достойную невесту, хранительницу очага, знающую свои корни и свое место. Не веришь? Прочитай об этом.

— Ты… ты не можешь так поступить, — делаю шаг к Рустему, забывая о свекрови, забывая обо всем, кроме чудовищного заявления мужа. — Амина… Ты не можешь просто… отдать ее, как вещь! Она не вещь, Рустем! Она человек! Твой ребенок!

Рустем не отвечает сразу. Он лишь смотрит на меня с тем же непроницаемым выражением, что и его мать раньше. Затем просто произносит, глядя на меня сверху вниз:

— Не могу? — голос мужа низкий, спокойный, и от этого еще страшнее. — Оксана, Оксана… Как жаль, что ты так и не поняла — наши традиции существуют веками. Они — каркас, на котором держится семья, род, уважение. И в них четко прописано место женщины и детей. Особенно дочерей, — Рустем делает паузу, и на его губах появляется та самая ужасная, холодная улыбка. Неуловимая, едва заметная, но леденящая душу.

Откуда в моем муже взялось столько консерватизма? Раньше он ничем подобным не страдал! Всегда был прогрессивным, шел в ногу со временем… Что изменилось?

Вдруг меня пронзает страшная догадка…

— Твоя мать тебе это нашептала? — шиплю я, пытаясь скрыть дрожь в голосе. — Про «настоящих женщин»? Про «место»? Это средневековье, Рустем! Ты живешь в Москве, черт возьми! В двадцать первом веке! Амине нужна мать! Ее родная мать! А не твои тетушки, которые будут вбивать ей в голову, что она будущая собственность мужа!

Рустем даже не моргает. Его улыбка, как была на месте, там же и остается. Лишь становится чуть шире, чуть более самодовольной.

— Вообще-то, — произносит он мягко, как будто делает мне одолжение, — тебе стоит спросить у самой Амины. Захочет ли она поехать с тобой?

Сердце пропускает. Что он задумал?

— Что? — спрашиваю на свой страх и риск.

— Просто спроси у нее. После сегодняшнего… после твоей истерики на глазах у гостей, после твоих попыток устроить сцену… — он кивает в сторону хаоса в гардеробной, — я сомне-

ваюсь, что моя дочь захочет последовать за тобой в неизвестность. Тем более, — он делает паузу для усиления эффекта, — если ты все же захочешь уйти, то должна будешь уехать. Далеко. Очень далеко.

— С какой это радости?! — повышаю голос. Ярость прорывается сквозь лед, сковавший эмоции внутри. — Я могу жить где угодно! В Москве! В Подмосковье!

— О, нет, моя дорогая, — качает головой Рустем, в его глазах вспыхивает жестокая убежденность. — С такой радости, что я больше не намерен пересекаться с женщиной, которая так легко отбрасывает свои клятвы… которая не умеет держать слово… которая позорит имя своего мужа. Поэтому если уходишь — уходи так, чтобы я тебя больше не видел. Не слышал, чтобы твое присутствие не оскверняло мой город. Журналисткой, конечно, можешь работать, — добавляет он с язвительной снисходительностью. — Если, конечно, после твоего «скандального» прошлого… после нашего громкого развода, который, уверяю тебя, прогремит на весь свет, если ты вздумаешь перечить мне либо же попытаешься испортить мне репутацию, как сегодня… с тобой вообще захочет связываться хоть какое-то приличное издание.

«Кто еще с кем не захочет связываться?» — яростная мысль проносится в голове.

Я готова выкрикнуть это, бросить слова Рустему в лицо, заявить, что это его репутация трещит по швам, что он предатель и лжец. Жаль… или не жаль, что язык прилипает к небу. Слова горят на губах, но я силой воли заставляю себя сглотнуть их. Сейчас не время. Спорить сейчас — все равно что биться головой о бетонную стену. Сейчас нужно выжить, вырваться, уйти. А потом… потом что-то решать. Думать. Бороться с мужем по-другому. Возможно, даже стоит уехать туда, где Рустем меня не найдет.

Зажмуриваюсь на долю секунды, стараясь вдохнуть глубже, собрать остатки самообладания.

Когда же открываю глаза, вижу, как во взгляде мужа мелькает что-то острое, почти дьявольское. Такое чувство, будто Рустем прочитал мою мысль о будущей борьбе.

— Я отпущу тебя, — говорит он вдруг, и в его голосе звучит что-то почти… милостивое, неестественное. — Если это твое истинное, необдуманное желание. И даже вызову юриста. Прямо сейчас. Он составит соглашение о неразглашении, которое учтет все наши… условия. Материнские, имущественные, репутационные. Все. — Рустем делает паузу, его взгляд становится пронзительным, почти гипнотическим. — Либо же… — он делает шаг, который окончательно сокращает расстояние между нами, муж оказывается так близко, что я чувствую его дыхание на своем лбу. — Либо же ты доверишься мне, Оксана. Как делала это всегда. До сегодняшнего вечера. Забудешь эту… истерику. Останешься моей первой женой. Достойной. Уважаемой. В своем доме. Рядом с дочерью, — Рустем выдерживает паузу, позволяя картине «нормальной» жизни промелькнуть перед моими глазами и вызвать отвращение. — Что скажешь? — спрашивает тихо, но каждое слово кажется отчеканенным, словно Рустем зачитывает мне приговор. — Готова ты лишиться всего? Голоса, карьеры, прошлого, права воспитывать дочь своим путем? Или… лучше быть моей?

Глава 19

Два месяца спустя

Выхожу из уборной, немного освежившись. Лицо все еще влажное, как и руки, но, по крайней мере, я не умираю от жары, от которой даже легкое шелковое платье в пол меня не спасает. Почему стоило мне переехать во Владивосток, как тут температура поднялась до тридцати градусов? Такое чувство, что этот город пытается выгнать меня, даже несмотря на то, что я только-только обустроилась и работу нашла.

Как бы я ни пыталась привыкнуть к новому месту жительства, все равно чувствую себя чужой, словно у меня отняли что-то принадлежащее мне по праву. И это не дает покоя. Я постоянно чувствую этот гул пустоты под ребрами, где раньше билось что-то живое и уверенное.

Стараюсь редко вспоминать о бывшем муже. Правда, стараюсь. Но у меня плохо получается — не только потому, что прошло еще очень мало времени, но и из-за дочери, которая не дает мне спуску. Если мне дался переезд не очень просто, то Амина вообще требовала, чтобы я оставила ее с отцом, рядом с ее друзьями, в ее любимой школе. Мне потребовалось приложить немало усилий, чтобы уговорить дочь поехать со мной. Как бы ни хотелось психануть и оставить дочку в семье Хакимовых, как она того желала, я не могла позволить этим… людям погубить психику моей дочери. Но она, конечно, сопротивлялась знатно. Единственное, что помогло ее уговорить — то, что Рустем смилостивился и сказал Амине, что она всегда сможет вернуться домой, если захочет, а пожить с мамой обязана. Сказал дочери относиться к жизни со мной, как к приключению. Большего презрения к моему выбору бывший муж выказать не мог. Зато Амина справляется за него вдвойне. Свое «фи» она уже показала и к новой школе, и к новой квартире, которую я сняла на собственные сбережения, а еще — к моей работе. Ведь теперь я работаю в местной газете обычным журналистом, хотя в Москве вела свою колонку в известном глянцевом журнале. Но это неважно. Главное то, что я свободна. Да, у меня отняли часть моего голоса, когда я подписала долбаный договор о неразглашении с мужем, чтобы получить эту свободу. Но это гораздо лучше, чем оставаться с человеком, который предал тебя, унизил и хотел отнять последнее, что у тебя есть — чувство собственного достоинства. Лучше я буду вспахивать поля в передовице во Владивостоке, чем каждый день наступать себе на горло, видя, как мой муж милуется с его новой любовницей. Стоит только подумать об этом, меня начинает прилично так мутить. Даже больше, чем до этого.

Глубоко вдыхаю, медленно выдыхаю и плетусь в свой кабинет, изнывая от жары.

Меня все еще подташнивает, но чувствую себя гораздо лучше. Вот только стоит зайти в кабинет, как в нос ударяет запах духов — сладкий, едкий, приторный. Я делю кабинет с коллегой, которая явно перебарщивает с парфюмом. Голова тут же начинает кружиться. Перед глазами появляются черные точки. Хватаюсь за дверной косяк, немного пошатываюсь, но в итоге мне удается не только устоять на ногах, но и более или менее прийти в себя, прежде чем я добираюсь до своего стола в дальнем углу маленького помещения. Плюхаюсь на кресло на колесиках, чуть откатываюсь назад к стене, заваленной старыми подшивками газет и коробками с архивом, и прикрываю глаза. Несколько секунд глубоко, размеренно дышу, пытаясь прогнать тошноту и ощущение, что вот-вот провалюсь сквозь пол. Воздух в кабинете спертый, пахнет пылью, бумагой и этими духами. Два стола стоят буквально нос к носу. Мой — захламленный блокнотами, диктофоном, чашкой с остатками холодного чая. Стол Юли — более аккуратный, с модным ноутбуком и вазочкой с искусственным цветком. По стенам разрослись шкафы, доверху забитые папками и канцелярией. Окно маленькое, запыленное, почти не пропускает света.

Складывается впечатление, что я сижу в клетке, но при этом чувствую себя свободной.

— Окси, ты сегодня поедешь освещать открытие нового бизнес-центра? — Юля, молоденькая светловолосая девушка, только закончившая институт, влетает в кабинет со всей скоростью, на которую она только способна. Она, как всегда, надела облегающую юбку-карандаш заметно выше колена и высоченные шпильки, которые заставляют ее семенить, а не идти. Яркая блузка, макияж дополняют ее образ. С высоты своего опыта понимаю: такие амбиции, выпяченные напоказ, ни к чему хорошему обычно не приводят. Осуждать не стану — у каждого свой путь. Но единственное, что меня прямо физически выматывает — этот запах духов, который только усиливается, стоит девушке занять свое место за соседним столом. Он въедается в горло, обволакивает, душит.

Беру бутылку с водой из сумки и выпиваю несколько глотков. Прохладная жидкость немного смывает тошноту, приносит минутное облегчение.

Юля поворачивается ко мне, ее пристальный взгляд скользит по моему лицу, задерживаясь на влажных висках и, наверное, на моей бледности.

— Ты в порядке? — спрашивает она с искренним беспокойством в голосе, смывающим на секунду ее обычную легкомысленность.

— Да, все хорошо, — выдавливаю улыбку, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Просто жара не очень на меня влияет в последнее время. Слушай, — добавляю, видя, как девушка снова тянется к своему флакончику с парфюмом, стоящему рядом с клавиатурой. — Можно тебя попросить так сильно не душиться? А то мне совсем не очень хорошо.

Юля хмурит накрашенные брови, будто я покусилась на что-то священное. Но потом беззаботно взмахивает рукой, сверкнув маникюром:

— Да, конечно! Что ты сразу не сказала? — она засовывает флакон подальше, в ящик стола. — Это мне новый парень подарил духи, вот я ими балуюсь. Настолько нравятся! Но на работе буду стараться пользоваться ими по минимуму. Обещаю!

Искренняя улыбка, внезапно осветившая ее юное лицо, трогает что-то внутри, несмотря на мою усталость.

— Спасибо тебе большое, — говорю я, чувствуя настоящую благодарность.

— Да не за что! — Юля тут же отмахивается, ее мысли уже улетают куда-то вперед. — Так ты едешь сегодня на открытие бизнес-центра? На Державина?

— Конечно. Назначено на одиннадцать.

— А… — она делает паузу, кокетливо наклоняя голову, играя кончиком карандаша. — А можно я с тобой? Пожалуйста-пожалуйста?

— Зачем? — спрашиваю, хотя прекрасно все понимаю. Вижу этот огонек в ее глазах — не профессиональный интерес, а больше охотничий.

— Ну… — Юля чуть смущается, но ненадолго. — Мне нужно связями обзаводиться! А там будут достаточно именитые люди, собственники, инвесторы… Ты же знаешь, как важен нетворкинг! — она произносит последнее слово с важным видом, явно недавно вычитав его в каком-нибудь глянцевом журнале.

Понимающе улыбаюсь. Девушка явно намерена выйти замуж очень удачно, и плевать ей на ее нового парня, подарившего те самые духи. Сама я никогда не преследовала подобную цель. Мне была интересна психология людей, их мотивы, истории. Журналистика была страстью, а не трамплином. Но потом… потом многие завидовали и шептались, что я достигла всего через постель. Все-таки выйти замуж за Хакимова мечтала не одна светская львица. Надеюсь только, что Юля не наткнется на те же грабли, что и я… что ее амбиции не обернутся такой же сокрушительной болью.

Встаю из-за стола, чувствуя, как голова слегка кружится от резкого движения. Подхватываю сумку с диктофоном, блокнотом и ручками — необходимым журналистским минимумом.

— Конечно, можешь поехать, — говорю. — Только позови Диму. Нам понадобится фотограф.

Юля вскакивает с места так резко, что ее стул с грохотом отъезжает назад, и подлетает ко мне. Прежде чем я успеваю опомниться, девушка обнимает меня за шею, прижимаясь щекой.

— Спасибо, спасибо, спасибо! Ты сделала мой день! — выпаливает она, а ее духи все равно бьют в мой нос, хоть и не так концентрированно. — Я тебе обещаю, что помогу тебе всем, чем смогу! Буду брать интервью, записывать, что угодно!

Юля отпускает меня также стремительно и, не дав ответить, вылетает из кабинета с криком, разносящимся по коридору:

— Дима! Поехали! Нам уже пора! Окси разрешила!

Качаю головой, собирая разбежавшиеся мысли. Энергия Юли одновременно заряжает и выматывает. Медленно, стараясь не делать резких движений, иду к выходу.

Едва стоит покинуть относительно прохладное здание редакции, духота на улице накрывает с головой. Тридцать градусов во Владивостоке — это что-то. Влажность, солнце, отражающееся от асфальта… Меня снова слегка покачивает. Но ничего. Мы же поедем в новый бизнес-центр, где внутри, наверняка, будут кондиционеры. Конечно, часть работы — репортаж с открытия — придется делать на жаре, под палящим солнцем, но я справлюсь — таковы издержки профессии, которую я сама выбрала. Вернее, той профессии, что осталась у меня после того, как я уехала из Москвы. Моя карьера откатилась на несколько лет назад, и это немножко… нет, сильно подкосило. Иногда кажется, что все, чего я достигла, рассыпалось в прах вместе с моим браком.

Пока я утопаю в легком самоедстве, позади раздается стук каблуков и голос Юли, подгоняющей Диму — коренастого парня с фотоаппаратом на шее и вечной усталостью в глазах. А не проходит и пары минут, как мы все вместе едем на старенькой машине Димы к пресловутому бизнес-центру, открытие которого стало настоящим резонансом во Владивостоке.

События на месте разворачиваются по стандартному, предсказуемому сценарию. Новый, стеклянно-бетонный бизнес-центр «Парус» сверкает на солнце, слепя глаза. Толпа приглашенных, журналистов и просто зевак собралась у подножья лестницы. Красная ленточка натянута у главного входа.

Я стою в первой шеренге журналистов вместе с Юлей, которая нервно поправляет юбку и волосы, высматривая «перспективных» мужчин. В руках у меня диктофон — записываю пространные речи местных чиновников и собственника центра, немолодого мужчину с сединой в русых волосах и с важным видом. В блокнот вношу пометки, ключевые цифры, набрасываю вопросы, которые нужно будет задать позже во время фуршета или индивидуальных бесед. Дима бегает вокруг, ловя ракурсы, и до меня доносится отдаленное щелканье его и не только камер.

Все идет как обычно.

Скучновато, предсказуемо, рутинно.

До одного момента.

Собственник центра, закончив свою речь, делает широкий жест рукой в сторону группы людей, стоящих чуть поодаль под тенью огромного баннера с логотипом центра.

— И, конечно, особая благодарность нашему стратегическому инвестору и ключевому арендатору, чье доверие и вклад позволили этому проекту состояться в полном объеме! — провозглашает он с пафосом. — Приглашаю на сцену уважаемого господина Хакимова Рустема Ильдаровича!

Имя обухом ударяет по сознанию. Сердце останавливается. Воздух перехватывает.

Нет. Не может быть.

Слуховая галлюцинация. И… зрительная? Потому что по ступенькам импровизированной сцены, вальяжно, с той самой небрежной уверенностью хозяина жизни, поднимается мужчина в темном, идеально сидящем на нем костюме с безупречной осанкой.

Миг, и я вижу знакомый, навсегда врезавшийся в память поворот головы, темные волосы, аккуратную бородку и… глаза. Почти черные. Угольные.

Рустем.

Мой Рустем. Бывший муж. Предатель. Человек, разрушивший мою жизнь.

Он здесь. Во Владивостоке. На открытии бизнес-центра, которое я освещаю.

Весь мир сужается до одной точки. До фигуры моего бывшего на фоне сияющего стекла. Звуки глохнут — аплодисменты, речь собственника, шепот Юли: «Ого, какой!». В ушах остается только нарастающий, оглушительный гул. Тошнота накатывает с такой силой, что я судорожно сглатываю. Ноги становятся ватными. Я хватаюсь за руку стоящей рядом Юли, чтобы не упасть. Она что-то говорит, но я не слышу. Ее лицо расплывается.

Вижу только его… Рустема.

Не понимаю, перед моим взором начинают плясать черные точки или это глаза бывшего мужа проникают прямо в мою душу?

Глава 20

«Готова ты лишиться всего? Голоса, карьеры, прошлого, права воспитывать дочь своим путем? Или… лучше быть моей?» — холодный и отчеканенный голос бывшего мужа звучит в голове слишком громко. Такое чувство, будто Рустем стоит прямо здесь… рядом со мной, дышит мне прямо в ухо, обжигает горячим дыханием кожу.

Я же тогда ему ответила.

Сквозь ком в горле, сквозь дрожь в коленях, сквозь ледяную пустоту, разъедавшую грудь, ответила: «Лучше я начну жизнь сначала, чем продолжу быть с человеком, который не может нести ответственность перед тем, кого выберет».

В тот же день я сорвала с себя «сапфиры» с такой силой, что чуть не порвала цепочку и просто сунула ожерелье в руку тогда еще мужу.

«Держи. Это твои корни. Твои традиции. Твои камни», — прошипела злобно, а Рустем взял и забрал украшение. Без слов. С тем же ледяным превосходством, с которым сейчас смотрит на толпу с этой проклятой сцены.

Мой бывший муж здесь. Во Владивостоке. В моем городе. В городе, куда он меня отослал, как ненужную вещь, с условием «чтобы я тебя больше не видел».

Получается… он солгал? Сказал совсем не то, что хотел?

Рустем Хакимов не отпускает ничего и никого. Особенно то, что считает своей собственностью.

Не говоря уже о том, что мой бывший муж не мог не знать, где я. Во-первых, Амина. Он общается с ней чуть ли не каждый день по видеосвязи, его мать тоже звонит. Они даже знают адрес, школу. Во-вторых… я сомневаюсь, что мой бывший муж оставил бы меня без присмотра. Это не в его стиле. А вдруг я нарушу священные пункты того договора о неразглашении, который подписала, продав душу за желанное расторжение брака и право уехать с дочерью?

Но зачем Рустем приехал? Чтобы испортить жизнь? Проверить меня? Напомнить, кто хозяин? Вывести меня из равновесия? Мы же договаривались, что он оставит меня в покое! Договаривались, что его не будет в моей жизни! Договаривались, что я получу хоть клочок свободы после всего того ада…

Видимо, данное Рустемом слово тоже ничего не значит!

Все внутри сжимается в ледяной ком. Тошнота подкатывает с новой, сокрушительной силой. Горло перехватывает. Я чувствую, как кровь отливает от лица, оставляя после себя кожу мертвенно-холодной под палящим солнцем. Руки дрожат, диктофон вот-вот выскользнет из влажных пальцев. Звуки вокруг — аплодисменты, речь собственника центра, восхищенный шепот Юли: «Боже, какой мощный… И взгляд какой…» — глохнут, превращаясь в далекий, нудный гул. Мир сужается до Рустема. До его фигуры в идеально скроенном темно-синем костюме, подчеркивающем широкие плечи. До знакомой стрижки, до аккуратной бородки, до той самой осанки хозяина жизни. До его глаз. Почти черных. Бесстрастных. Холодных, как глубины океана за моей спиной.

Рустем берет микрофон. Делает легкий кивок в сторону оратора. В его движении нет ни тени сомнения или волнения. Как будто бывший муж находится не в новом для него Дальнем Востоке, а в своем московском кабинете. Его взгляд скользит по толпе журналистов, чиновников, зевак. Деловой. Оценивающий. Расчетливый. И вдруг… он останавливается. На мне.

Глава 21

Время замирает. Сердце, больше напоминающее предательский комок боли, колотится где-то в горле, угрожая в любой момент вырваться наружу. Чувствую, как Юля сжимает мою руку, которой я инстинктивно схватилась за нее, чтобы не рухнуть.

— Окси? Ты побледнела… Ты в порядке? — голос девушки-коллеги доносится словно сквозь вату.

Не отвечаю.

Не могу.

Весь мой мир сводится к взгляду бывшего мужа, направленному прямо на меня. Он пристальный… неподвижный. И в его взгляде… ничего. Пустота. Абсолютное, леденящее душу отсутствие узнавания. Ни искры удивления, ни тени злорадства, ни капли былой… любви, если она хоть когда-то была. Рустем смотрит на меня, как на постороннюю женщину в толпе… как на пустое место… как на пыль под ногами его дорогих туфель. Бывший муж смотрит сквозь меня так, будто шестнадцати лет совместной жизни, дочери, боли и предательства попросту… не было… будто я стерта из его жизни, вычеркнута из его прошлого, уничтожена окончательно.

Проходит секунда… две… вечность. Я замираю под этим взглядом-не-взглядом, чувствуя, как стыд, унижение и бессильная ярость растекаются по телу жгучей волной. Рустем добился своего — снова вогнал тысячи ножей мне в спину, просто посмотрев на меня… просто не узнав.

Миг, и бывший муж отводит взгляд. Плавно. Спокойно. Как будто ничего не произошло. Как будто его взгляд просто зацепился на мгновение за ничем не примечательное лицо и тут же нашел более важную точку приложения.

Рустем не видит меня. Не узнает. И это… неплохо. Но… я чувствую себя пылью под ногами империи бывшего мужа, стертая со страниц его жизни по его же приказу. Облегчение, горькое и жгучее, смешивается с новой волной тошноты. Рустем не узнал меня. Слава Богу…

Пытаюсь вдохнуть, но воздух не идет. Горло сжато. Перед глазами пляшут черные точки, сливаясь с темнотой глаз Рустема. Где-то на краю сознания чувствую, как влажная ладонь Юли сжимает мою руку, слышу ее испуганный шепот где-то очень далеко:

— Окси! Ты вся белая! Держись! Что с тобой?

Не могу ответить. Весь мир сузился до фигуры на сцене. До губ бывшего мужа, которые вот-вот откроются. До микрофона, который он подносит ко рту. Голос Рустема, знакомый до боли, низкий, бархатистый, полный неоспоримого авторитета, разносится над площадью, заглушая гул толпы и шум машин:

— Благодарю за теплые слова, уважаемый Виктор Петрович, — говорит Рустем с интонацией, которую можно назвать образцом делового дружелюбия. — И, конечно, огромное спасибо администрации Владивостока за оперативное содействие и открытость к диалогу. Без вашей поддержки реализация этого проекта заняла бы гораздо больше времени, — делает небольшую, эффектную паузу, давая аплодисментам немного стихнуть. — Для холдинга «Хаким-Ойл» открытие этого офиса — не просто новый адрес на карте. Это стратегический шаг в развитии нашего присутствия на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Мы видим здесь огромный потенциал. Мы верим в этот город, в его жителей, в его будущее, — голос бывшего мужа крепнет, звучит убедительно, как всегда, когда он говорит о бизнесе. — Этот современный бизнес-центр станет не только домом для нашей команды, но и символом нашего долгосрочного партнерства с Владивостоком. Мы создаем здесь новые, высокооплачиваемые рабочие места, привлекаем лучших специалистов, инвестируем в развитие инфраструктуры региона. Мы здесь — чтобы расти вместе с вами.

Рустем говорит четко, по делу, без лишнего пафоса, но с непоколебимой уверенностью человека, привыкшего, что мир склоняется перед его волей. Я слушаю, и понимаю, что каждая фраза бывшего мужа для меня ощущается словно еще один удар.

«Долгосрочное партнерство»...

«Расти вместе с вами»…

Значит, Рустем здесь надолго. Значит, это не разовый визит. Надо мной нависает постоянная угроза… постоянное напоминание… постоянное нарушение нашего последнего «договора».

Аплодисменты снова гремят. Рустем слегка склоняет голову в знак благодарности. И тут его взгляд снова скользит по толпе. Находит меня. На этот раз — сознательно. Целенаправленно. Уголки губ бывшего мужа медленно, почти незаметно для постороннего, ползут вверх, складываясь в знакомую только мне ухмылку. Триумфальную. Узнающую. Унизительную. В черных глазах Рустем вспыхивает холодный огонек, в котором считывается: «Я тебя вижу. И ты никуда от меня не денешься». Сердце падает в пропасть. Кровь стучит в висках.

— Но ни один серьезный проект, — продолжает Рустем чуть теплее, интимнее, будто он обращается к близким, — не осуществим без поддержки родных людей. Без терпения и веры тех, кто рядом в самые напряженные моменты, — он снова делает паузу, взгляда от меня не отрывает.

Время замирает. Шум стихает. Толпа, солнце, здание — все расплывается. Существуют только черные «бездны» мужа, впившиеся в меня.

— Поэтому, — произносит Рустем полушепом, словно обращаясь именно ко мне, — я не могу не сказать спасибо своей любимой жене…

Сердце пропускает удар, дыхание перехватило.

Я не знаю, как реагировать, не знаю, что делать…

Но от меня ничего и не требуется, потому что в следующее мгновение взгляд бывшего мужа отрывается от меня без тени сожаления, будто я — случайное пятно на обочине его пути. Рустем смотрит куда-то в сторону, где… в паре метрах от меня в элегантном, но скромном синем платье стоит девушка, с подобранными в тугой узел светлыми кудрями и лицом, сияющим подобранной улыбкой.

— …спасибо Алсу за терпение и поддержку в последние, очень напряженные месяцы подготовки этого проекта, — голос Рустема смягчается, в нем появляются шутливые, интимные нотки. — Особенно учитывая, что мы с тобой, дорогая, все еще, по сути, молодожены.

Глава 22

Слово «молодожены», словно острый кинжал, вонзается мне прямо под ребра, вышибая остатки воздуха.

Мой взгляд буквально впивается в Алсу.

Новая… жена моего бывшего мужа стоит чуть поодаль от Юли, в тени массивной колонны. Светловолосая. Кучерявая. В простом, но явно дорогом летнем платье цвета морской волны, которое подчеркивает ее молодость и хрупкость. Рустем говорил... нет, бросал мне в лицо тогда, в кошмаре нашей уборной: «Она такая же, как ты... необузданная. Наверное, потому что наполовину русская». Но что-то мне подсказывает, он ошибся. Уверена, свекровь постаралась найти «подходящую» партию для Рустема. Потому что сейчас, глядя на нее, я вижу не дерзкую, «необузданную» девчонку, а... удивительно скромную, почти стеснительную молодую леди. Алсу стоит, чуть сгорбив плечи, словно пытаясь стать меньше, незаметнее в этой толпе важных людей. Пальцами нервно теребит край клатча. На щеках девушки цветет нежный румянец смущения. Глаза Алсу... ее большие, светлые глаза прикованы к сцене. К Рустему. И в них даже сбоку виднеется не просто восхищение, а, скорее, обожание. Полное, безоговорочное, слепое. Такое, какое когда-то, давным-давно, светилось, наверное, и в моих глазах, когда Рустем загипнотизировал меня своими «манифестами свободной воли».

Меня снова начинает мутить с невероятной силой. Жара, давящая со всех сторон, сливается с ядовитым жжением в груди. Солнце бьет в глаза, асфальт пышет раскаленным воздухом. Кажется, вот-вот и я вовсе свалюсь с ног.

Рустем знает, что я здесь. Он видел меня. И этот спектакль с благодарностью «любимой жене» — чистейшей воды провокация. Бывший муж всем своим видом, каждым словом, каждым взглядом в сторону Алсу кричит: «Смотри, Оксана! Смотри, какая у меня теперь. Молодая. Послушная. Обожающая. Ты осталась в прошлом. Совсем одна. Стоило это того?».

От этой мысли становится так противно, что спазм сжимает желудок. Я едва сдерживаю рвотный позыв.

Не могу больше. Не могу видеть Рустема. Не могу слышать его слова.

Резко хватаюсь за руку Юли. Она встревоженно смотрит на меня.

— Слушай, — хриплю я. — Закончи, пожалуйста, записывать. Я... как-то не очень хорошо себя чувствую. Совсем.

Юля хмурится, ее четко очерченные брови сходятся у переносицы. Она окидывает меня пристальным взглядом. Интересно, видит ли она весь ужас, который я испытываю, всю эту боль? Вряд ли. Но она видит результат их воздействия на мой организм — меня, превратившуюся в тень, едва держущуюся на ногах.

— Окей, — кивает Юля, без лишних вопросов, к моему удивлению. Берет у меня диктофон и блокнот. — Иди. Приведи себя в порядок. Я тут справлюсь.

Слабое и горькое облегчение на секунду омывает меня. Благодарно киваю, не в силах говорить, и делаю шаг назад, отрываясь от Юли. Еще шаг. Толпа кажется мне стеной, но я пробираюсь сквозь нее, как сквозь густой, враждебный лес. Спиной чувствую взгляд Рустема. Он следит за мной? Наслаждается моим бегством? Наверняка.

— Окси! — окликает меня Юля, когда я уже почти вырвалась из первого ряда. — А на пресс-конференцию ты придешь? После? Или мне тут всем заняться?

Замираю.

Пресс-конференция. Точно… Еще час, а то и больше, в одном помещении с бывшим мужем и его молодой женой? Не хочу. Это выше моих сил. Но я профессионал. Или пытаюсь им оставаться. И мне нужно доказать это. Себе. Ему. Всему миру. Поэтому вместо «нет», которое крутится на моем языке, я выдавливаю из себя:

— Да... я просто освежусь и приду.

Не жду ответа. Разворачиваюсь и почти бегу, отталкиваясь от раскаленного асфальта, пробиваясь сквозь шум толпы. Чувствую, как десятки глаз сверлят мою спину — любопытные, осуждающие, равнодушные. Неважно. Лишь бы уйти. Лишь бы скрыться. Лишь бы не видеть эту парочку.

Огибаю сияющее стеклянное здание бизнес-центра. Ищу служебный вход, служебную дверь, что угодно. Вот он — неприметный проем, в который влетаю и мчусь по прохладному, еще пахнущему свежей краской и бетоном коридору. Воздух кондиционеров бьет в разгоряченную кожу, вызывая озноб. Указатели «WC» маячат, как спасительные огни. Миг, и я вижу дверь женского туалета, с разгона влетаю внутрь.

В уборной пусто. Слава Богу, пусто.

Добегаю до первой кабинки, падаю на колени и судорожно хватаюсь за холодный ободок унитаза. Меня тут же выворачивает. Тело сотрясают спазмы. Горло обжигает кислота. Слезы унижения, боли, беспомощности давят на глаза.

Кажется, проходит вечность, прежде чем судороги наконец отпускают, я опускаюсь на холодный кафель, прислоняясь спиной к стене кабинки. Голова гудит. Руки трясутся. Закрываю глаза, пытаясь отдышаться, собрать осколки себя. И это становится моей ошибкой. Перед глазами тут же появляется Рустем: его черные, бездонные глаза, глядящие на меня с ледяным торжеством, — и Алсу, такая настоящая в своей вере, своей любви, своей роли послушной жены, от которой я отказалась… роли, которую мне пытались навязать и которую я отвергла ценой всего. Теперь же Рустем нашел ту, кто играет ее добровольно. С восторгом!

«Ты — прошлое», — шепчет его ухмылка у меня перед глазами.

«Я — будущее», — говорит свет в глазах Алсу там же.

Хватит! Нужно взять себя в руки!

Да… Я должна выйти из кабинки. Дойти до раковины. Умыться. Привести себя в порядок. Сохранить остатки достоинства. Хотя бы их видимость.

Я не могу позволить Рустему увидеть меня разбитой. Не здесь. Не сейчас. Я должна избегать его. Любой ценой.

Что насчет пресс-конференции? Нет. Я не пойду. Юля меня заменит, она же как раз хотела обзавестись «связями».

С трудом поднимаюсь на ватные ноги. Делаю шаг. Еще шаг. Открываю дверь кабинки и выхожу в основное пространство уборной. Направляюсь к ряду раковин под огромным зеркалом. Но добраться до них не получается.

Дверь в уборную распахивается. На пороге, залитая светом из коридора, появляется женщина в синем платье, светловолосая, кудрявая.

Алсу.

Она смотрит на меня, на мое, наверное, жалкое состояние — бледное лицо, с мокрыми от пота лбом и висками, с трясущимися руками.

Всего секунду стоит неподвижно, а потом делает шаг внутрь. Дверь за ней медленно закрывается, отсекая от нас внешний мир. Тишина уборной становится гулкой, напряженной. Алсу останавливается на пороге, не решаясь подойти ближе. Ее взгляд скользит по моему лицу, останавливается на животе, потом снова поднимается навстречу моему взгляду. В ее голосе, когда она наконец решается заговорить, слышится плохо скрываемая тревога, почти мольба:

— Только не говорите, что вы беременны…

Глава 23

Смотрю на новую жену моего бывшего мужа… на эту девушку, ворвавшуюся в мою разрушенную жизнь с наигранной невинностью и теперь стоящую в дверях уборной, как грозный ангел в синем платье, и не могу не отметить, что Алсу действительно красивая. Черты ее лица нежные, правильные. У девушки большие глаза. Они полны доверчивого огонька, наивной веры в то, что мир вращается вокруг избранного для нее мужчины, что он — солнце, а она — счастливая планета на его орбите. В глазах Алсу читается до боли знакомая мне преданность, которая когда-то, много лет назад, заставила меня поверить в сказку про Рустема-освободителя, Рустема-бунтаря против устоев.

Да, Рустем был прав — Алсу чем-то напоминает меня. Я «вижу» в ней молодую, пылкую Оксану, которая готова была бросить вызов всему миру ради любви. Оксану, что верила каждому слову ее мужчины, каждому обещанию. Взгляд Алсу — словно кривое зеркало, отражающее мое прошлое «я». Только вот... я давно уже не такая. Мои глаза давно потеряли этот доверчивый блеск. Их заполонила горечь, подозрительность, усталость от предательства. Я сломана. В том числе и тем самым мужчиной, который сейчас стал для Алсу всем миром, центром вселенной, смыслом существования.

И главное, пусть наша внешняя схожесть бросается в глаза — это не означает, что я буду откровенничать с девушкой, занявшей мое место в постели Рустема и теперь, видимо, считающей себя вправе мне что-то предъявлять.

Отворачиваюсь и направляюсь к ближайшей раковине. Включаю воду. Струи тут бьют по фарфору, разбрызгиваясь. Подставляю ладони, ловлю воду, подношу к лицу. Холод на коже ощущается словно шоковая терапия. Он ненадолго прогоняет туман из головы, приглушает тошноту, заставляет вздрогнуть.

— Тебе не кажется, — говорю я резко, глядя не на Алсу, а на свое отражение в зеркале над раковиной, — что ты вмешиваешься не в свое дело?

Мою руки дольше, чем нужно. Тщательно, как будто смываю не только следы тошноты, но и всю эту грязь, которую за сегодня вылили на меня. Стараюсь дышать ровно. Стараюсь, чтобы лицо оставалось каменной, бесстрастной и нейтральной маской. Но тело предает, поддается накалу бушующих у меня внутри эмоций. Ноги подрагивают, будто мышцы внезапно ослабели, потеряли упругость. Опираюсь о край раковины, чувствуя холодный кафель под пальцами. Подбородок, однако, держу гордо поднятым.

«Никогда не опускай голову, Оксана. Ни перед кем», — проносится в голове голос папы, который я так давно не слышала.

Краем глаза в зеркале замечаю, как Алсу приближается. Медленно, размеренно. Ее каблуки отстукивают четкий ритм по кафельному полу. Звук кажется нарочито громким в тишине уборной. Новая жена моего мужа останавливается чуть поодаль, не подходя вплотную, но достаточно близко, чтобы ее отражение стало четким в зеркале рядом с моим. Алсу ловит мой взгляд в отражении, глаз ни на секунду не отводят.

— Вы не понимаете, да? — произносит девушка тихо, но очень отчетливо. В ее голосе я улавливаю что-то неуловимое. Раздражения? Нетерпения? Или, может быть, даже… смущения?

Последнее, чего мне сейчас хочется — стоять здесь, дрожа от слабости и выслушивать перлы от женщины, которая спит с моим бывшим мужем. Хочется крикнуть, чтобы она убиралась к черту. Хочется вытолкнуть ее вон. Но где-то в глубине, в самом темном уголке души, клокочет чертово журналистское любопытство. Что Алсу мне сейчас скажет? Чего хочет? Почему так настойчиво лезет ко мне? Поэтому, стиснув зубы, я тяжело вздыхаю. Отрываю

взгляд от своего бледного отражения, поворачиваюсь к Алсу и опираюсь бедрами о край столешницы.

— Чего именно я не понимаю? — спрашиваю, устало, но без дрожи в голосе. Хоть что-то радует.

Алсу смотрит на меня прямо. В ее взгляде плещется какая-то сложная смесь. Что-то похожее на жалость? Или это высокомерие, тщательно замаскированное под сочувствие? Сложно сказать. А уже в следующий момент я оставляю попытки разобраться в истинной природе эмоций девушки передо мной, потому что Алсу делает маленький шажок ближе.

— Я вам не враг, — заявляет она, и в ее интонации слышится искреннее убеждение. Или это великолепная игра? — И никогда им не была. Мне очень жаль, что мы не успели познакомиться как следует тогда... на вашей годовщине. Но… — она разводит руками в небольшом жесте, словно предлагая мир. — Я не хотела вам зла. И не хочу сейчас.

Горькая усмешка растягивается на моих губах.

— Не надо, — перебиваю Алсу, моя рука сама собой поднимается, останавливая поток слов девушки передо мной. — Вот не надо строить из себя невинность. Я уверена на все сто, ты прекрасно знала, что Рустем женат, что у него есть семья. Жена. Дочь. Но это тебя, скорее всего, не волновало ни капли. Ведь для девушек, выросших в строгой татарской семье, мужчина — царь и бог. Его слово — закон. Его желание — приказ. Если он выбрал тебя, значит, так надо. А первая жена? — я пожимаю плечами, стараясь изобразить презрительное безразличие, которого не чувствую. — Разменный материал. Препятствие, которое он уберет, как сочтет нужным. Так ведь?

Лицо Алсу меняется мгновенно, словно кто-то щелкнул выключателем. Милая, немного смущенная маска спадает с лица девушки. Глаза, секунду назад казавшиеся такими открытыми, сужаются. В них вспыхивает холодок, настоящий, ледяной. Презрение? Злость? Что-то из этого появляется всего на долю секунды — я бы не заметила, если бы не была настороже, поэтому этот миг истины дорогого стоит. Ведь уже через мгновение маска невинности и легкого смущения возвращается на лицо Алсу. Если бы я моргнула, то действительно могла бы решить, что мне показалось.

Новая жена моего мужа качает головой, делая вид, что мои слова ее ранят или удивляют.

— Все не так, как вы думаете, — говорит она мягче, но со стальной ноткой в голосе. — Мне действительно нравится Рустем. Очень сильно нравится, — она подчеркивает каждое слово. — И если честно, я совсем не понимаю, как вы могли с ним развестись. Как можно было отпустить такого мужчину? — в глазах Алсу с легкостью читается искреннее, почти детское недоумение. — Но вы это сделали. И я... я вам благодарна. Потому что теперь я стала его первой женой. Главной. Единственной, по сути, — она чуть выпрямляется, и в ее позе появляется горделивость. — Я очень счастлива, что Рустем теперь только мой. Вот только… — она делает паузу, ее взгляд снова становится пристальным, изучающим. Он опускается на мой живот, задерживается там на мгновение дольше, чем нужно, а затем снова встречается с моим взглядом. — ...если вы беременны, то это все меняет.

Хмурюсь. Искренне не понимаю, к чему она клонит. Что может изменить мифическая беременность в идеальном мире новой жены моего мужа? Любопытство, черное и опасное, пересиливает отвращение к разговору.

— И что именно меняет моя беременность? — спрашиваю я, нарочито медленно и четко. Мне дико хочется сделать пальцами пресловутые «воздушные кавычки» вокруг слова «беременность», но я сдерживаюсь. Пусть думает, что хочет. Пусть раскроет карты. Хоть никакой беременности нет, мне смертельно интересно, что же такого ужасного Алсу может сказать.

Девушка не сводит с меня глаз. Ни на секунду. Она смотрит на меня не просто пристально — она пытается прочитать меня. Проникнуть сквозь кожу, сквозь маску равнодушия, сквозь усталость. Заглядывает мне прямо в душу, как будто ищет там подтверждение своим догадкам.

Ее взгляд кажется почти физическим прикосновением — холодным и неприятным. Тишина в уборной становится гнетущей, звенящей. Давление нарастает с каждой секундой. И вот, когда кажется, что я не выдержу и сорвусь, Алсу произносит слова, от которых кровь стынет в жилах:

— Если вы беременны, то вам придется сделать аборт. Сегодня же.

Глава 24

Слова Алсу бьют меня хлеще пощечины.

Аборт.

Сегодня же.

Эти два слова не просто повисают в воздухе — они вонзаются под кожу, в самое нутро, в тот еще не до конца осознанный, но уже пульсирующий глубоко внутри меня страх, который Алсу так ловко считала.

Ультиматум, выданный с потрясающей, леденящей душу уверенностью этой… девчонкой, которая считает себя хозяйкой положения лишь потому, что спит в постели моего бывшего мужа, поражает.

Это наглость чистейшей воды. Она пере

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.